

ИСТОРИЧЕСКАЯ АДВАНТУРА

Андрей Муравьев

Паладины

«КРЫЛОВ»

Андрей Муравьев
Паладины
Серия «Меч на ладонях», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166852
Паладины: Крылов; СПб.: 2008
ISBN 978-5-9717-0620-5*

Аннотация

Тянутся по пыльным дорогам обозы первого крестового похода. Где-то тут, среди опоясанных мечами паломников, шагают археолог и казак из 1906 года, красноармеец из 1939 и фотограф дикой природы из 1999.

Нелегко путь. В спину дышат могущественные враги, не желающие мириться с провалом эксперимента, кончаются патроны, гибнут близкие. Тиски сужаются... Но переброшенные из привычного двадцатого века в век одиннадцатый друзья упрямо идут к своей цели. Домой!..

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	11
1	11
2	14
3	19
4	22
5	25
6	28
7	36
8	43
9	45
10	51
11	54
12	59
13	67
14	82
Глава 2	85
1	86
2	95
3	97
4	102
5	106
6	109

Глава 3	115
1	115
2	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Муравьев Паладины

Вместо пролога

1096 год. Окрестности Флоренции

Дождь лил уже вторую неделю. Дороги благословенной Италии, которые ни разу не ремонтировались со времен цезарей, превратились в хлюпающие, вязкие, залитые водой трясины. Путешествовать по ним могли заставить только крайняя необходимость, нужда или приказ – все то, что порой заводит нас туда, куда никто и не думал попадать сам или посылать другого...

По самому краю древней брусчатки, уже полуразобранной на хозяйственные нужды сметливыми местными жителями, едва тянулся небольшой кавалерийский отряд. Прикрытые водой ямы на теле старой римской дороги могли стать настоящей ловушкой, грозившей переломать ноги животным и шеи их горемычным хозяевам. Всадники старались держаться менее опасной обочины.

Лошади брели, обреченно вытягивая копыта из чавкающей грязи. Люди в потертых кожаных шапах¹ устало погля-

---

¹ Шап – плащ-накидка с капюшоном.

дывали вверх. Свинцовые облака закрывали небо до горизонта, не оставив садыщемуся светилу даже щелочки.

Ехавший первым рыцарь недовольно вздохнул. Быстро темнело, ветер усиливался, вот-вот морозящий дождик сменится канонадой ливня, превратит дорогу с забитыми стоками в бурлящую реку, а до ближайшего селения еще два часа пути.

В этом месте дорога петляла, обходя холмы. Заросли кустарника, оккупировавшего склоны, выглядели стеной. Над кустарником кружили птицы.

Всадник нахмурился, остановил коня и поправил перевязь меча.

Увидев его озабоченность, подтянулись остальные. Только замыкавший кавалькаду толстяк на упитанном муле все так же меланхолично подгонял двух гужевых лошадок с тюками по бокам.

Колонна остановилась, и тут же из кустов ударил арбалетный залп.

Будь путешественники поближе к опасному месту или видимость получше, и можно было бы поставить крест на судьбе небольшого отряда, но провидение внесло коррективы в план налетчиков. Плохая погода и нервозность предводителя нападавших подарили путникам шанс на спасение.

Из семерых всадников трое были убиты на месте, у двух пали лошади, но когда из зарослей на дорогу хлынула толпа налетчиков, ее встретили не испуганные торговцы, но вои-

ны, готовые продать свои жизни дорого.

Двое из них спешили и, пока их товарищи выбирались из-под павших скакунов, поставили лошадей таким образом, чтобы прикрыться от стрел. В руках замелькали клинки. Убитые лошади, одна из которых еще дергала ногой, служили дополнительной, хотя и недолговременной защитой.

Первый бандит, попробовавший с разбегу перепрыгнуть труп животного, рухнул с проломленной головой. Тут же наземь полетел второй, получив в живот короткое копьё. Дальше путешественникам пришлось совсем туго. Две дюжины разбойников мешали друг другу, создавая тесноту на узком участке дороги, но их было столь много, что о контрударе не приходилось и мечтать.

Сверкающая восточная сабля, как яркая лента базарной танцовщицы, мелькала среди частокола копий и мечей. Высокий грузный рыцарь в дорогой германской кольчуге, ухая и приседая, как будто танцевал среди волн смерти, накатывавших на него. Сталь в его руках легко находила близкие цели. Вот один из врагов осел, держась за вспоротый живот, второй отпрыгнул, зажимая рассеченное плечо, третий завертелся на земле, оглашая округу животным криком: рыцарь отсек ему руку по самый локоть.

Слева золотопоясного воителя прикрывал суровый бородач в норманнской одежде. Большой круглый щит его быстро покрылся насечками от ударов, но за это время здоровенная лангобардская секира норманна отправила к праотцам

четырех врагов. Справа оборону держал невысокий рыжий крепыш с длинным сакским боевым топором. Его дела обстояли хуже. Выбравшись из-под убитого коня, он не успел снять щит – его кольчугу уже в некоторых местах окрасила первая кровь, а из предплечья торчал обломок стрелы. Но воин еще крепко стоял на земле, окружив себя смертоносной каруселью. Топор на длинной рукояти то зависал в воздухе, выбирая цель, то обрушивался вниз или скользил вбок, круша ближайших противников. Постоянно меняя хват на древке, раненый путешественник внезапно увеличивал или уменьшал радиус действия своего оружия, чем сеял сумятицу в рядах неприятеля.

Четвертый из путников в начале боя взялся было за меч, но через несколько мгновений отошел за спины товарищей. Нагнувшись к своему павшему жеребцу, он несколькими ударами кинжала освободил притороченный у седла сверток. Промасленная холстина разошлась, открывая вороненый ствол.

– Sbrigatevi, stronzi! O finitegli, oppure dategli il posto alle lancette!² – несмотря на перевес, предводитель нападавших заметно нервничал, срывая голос в бесполезных приказах. Оставаясь у подножия холма, окруженный полудюжиной телохранителей, он пробовал руководить боем... Получалось плохо.

Когда грохнуло и запахло серой, те разбойники, которым

---

² Быстрее, засранцы! Или кончайте их, или дайте место стрелкам! (*итал.*)

не нашлось места в первых рядах, еще успели бросить взгляд на небо. Но гром ударил не с небес. Вынырнув из-за спин товарищей, четвертый путник сжимал в руках небольшой, странного вида арбалет с толстенным болтом на ложе, извергавшим огонь и гром.

Оторопевшие от необычного оружия, оглушенные разбойники потеряли вмиг почти половину отряда и тут же обратились в бегство. Автоматчик перевел огонь на командную группу противника.

Щиты оказались слабой защитой. Тяжелые пули шутя прошивали их.

Под свинцовым дождем легли рослые телохранители, грудью закрывшие своего патрона от невиданной напасти. Глава налетчиков, закутанный в длинный плащ, пытался скрыться в зарослях, но стрелок был беспощаден. Экономная, в три выстрела, очередь отбросила бездыханное тело в канаву.

Бой был закончен...

Рыцарь присел, утирая пот. Лангобард, у которого даже дыхание не сбилось, деловито прикончил нескольких раненых врагов и начал срезать их кошель. Сакс опустился на круп убитого коня, зажимая рану. Его пошатывало.

Автоматчик некоторое время еще держал под прицелом кусты, но врагов больше не появлялось. Подождав немного, он вернулся к телам спутников, выбывших из боя в самом начале. За ним молча наблюдал рыцарь.

Убедившись, что жизнь покинула всех троих, автоматчик глубоко вздохнул. Он поднял взгляд на командира отряда и отрицательно покачал головой.

Рыцарь выругался сквозь зубы, встал и двинулся в сторону канавы, на дне которой упокоился предводитель нападавших. Следом подтянулись остальные.

Наконец-то небо разродилась тем, что давно обещало. Будто кто-то наверху повернул ручку, и на землю вместо легкого моросящего дождика хлынули потоки, реки, океаны воды, смывая с лиц мертвецов грязь и кровь, разглаживая гримасы боли и отчаянья, унося с собой все то, что давало представление о последних мгновениях их жизни.

Рыцарь нагнулся над телом, перевернул его и, отбросив закрывавший лицо мертвеца капюшон, громко выругался. Все его сомнения исчезли. В налитые серой влагой небеса смотрели большие глаза с неправдоподобно вытянутыми огромными черными зрачками.

Глава 1

Поход бедноты

*Те, кто здесь горестны и бедны, там будут
радостны и богаты.*
Урбан Второй

1

Молодой таможенник с дежурно кислым выражением лица лениво уставился на единственный баул иностранца:

– Это все?

Тот послушно кивнул.

Таможенник почесал запотевшую шею и нехотя пододвинул к себе спортивную сумку с яркой надписью «Nike» на боку.

– Что-либо запрещенное к ввозу на территорию Российской Федерации, оружие, наркотики?..

Иностранец улыбнулся и ответил на ломаном, но понятном русском:

– Спасибо, мне не нужно.

Желваки на скулах таможенника заходили, а его рука, уже протягивающая гостю великой державы паспорт для дальнейшего следования к выходу из зеленой зоны, отдернулась.

– Приколист?! – полуугрожающе-полувопросительно промычал он риторический вопрос, окидывая взглядом крепкую, но невысокую фигуру канадца.

Разгореться конфликту было не суждено. Маленькая белокурая красотка, уже прошедшая все досмотры и таможни и только что кокетливо щебетавшая этому же сотруднику о том, как она будет рада увидеть красоты Северной Венеции, порхнула к канадцу, все так же ухмыляющемуся, и схватила его за рукав:

– Торвал, братец, опять ты со своими шуточками!

Она перевела невинный взгляд голубых глазок, так мило стрелявших из-под челки белокурых волос, на надувшегося мытаря:

– Господин таможе-е-енник, вы должны простить моего брата. – При этом лицо ее осветила такая очаровательная улыбка, что набычившийся было русский против воли улыбнулся в ответ. – Эти финны!!! С ними просто невозможно ехать! Кошмар!

Девушка доверительно перегнулась через терминал и тихо проворковала театральным шепотом:

– Они пьют водка so much! Это – ужас!

Красавица закатила глазки и подхватила под руку виновника только что возникшей сумятицы.

Хмурящийся таможенник еще немного покрутил в руках паспорт канадца, но не устоял под напором бездны белокурого обаяния, вздохнул, улыбнулся уже намного шире и ис-

кренней и протянул иностранцу его помятый и затертый на углах документ:

– Добро пожаловать в Российскую Федерацию.

В ответ красотка еще раз мило улыбнулась и под ручку со своим братом упорхнула из зоны досмотра. Таможенник несколько секунд смотрел им вслед, опять протер быстро запотевающую шею и призывно махнул рукой кучке граждан братского Казахстана, терпеливо ожидавших своей очереди.

Шел июль 2002 года.

– Торви, ну ладно тебе. – Кати не хотела сидеть в маленькой комнате питерского полулюкса и жаждала приключений северной столицы России. – Ну что случится, если мы сходим повеселиться?! Давай!

Они были погодками, но двадцатидвухлетний Торвал был старше и считался более ответственным. Именно под его гарантии ее и отпустили в путешествие по Европе, в которое входило посещение исторической родины семьи Сигпорссонов Финляндии и краткосрочный country³ – экскурс по Карелии с обязательным посещением мест боевой славы деда.

Кати хотела до максимума сократить эту часть вояжа, заменив прелести нетронутой природы, включающие комаров и болота, максимально плотным графиком веселья в ночных заведениях бывшей столицы Российской империи. Раз уж ей пришлось ехать в эту серую, безрадостную глушь, то все тяготы и лишения надо было скрасить, насколько это вообще возможно в такой дыре. Уместно уточнить, что глушью и дырой светловолосая канадка считала именно город на Неве, предмет гордости почти каждого россиянина.

– Ну, давай, а? – Она призывно заглянула в глаза брату, изучающему по карте примерный маршрут путешествия.

– Нет.

---

³ Country – сельский (англ.).

– Да ладно тебе. – Девушка хихикнула. – Неужели ты веришь сказкам деда?

Торвал отложил карту, повернулся к мгновенно притихшей хохотушке и начал молча изучать ее лицо.

Та смутилась.

– Ты только не обижайся, пожалуйста. Но ведь в самом деле... – она уже и не рада была, что решилась задеть своего хмурого братца. – Деду-то без малого девяносто было, когда он нам это рассказал.

Брат молча встал, подошел к сумке и извлек из бокового кармана дорожное портмоне, из которого на свет через секунду появилась маленькая продолговатая визитница. Только в этом атрибуте делового человека хранились не клочки мелованной бумаги с яркими логотипами компаний и телефонами их представителей, а несколько запаянных в пластиковые футляры серебряных монет.

– А это тогда что? – спросил он риторически.

Девушка легкомысленно пожала плечами:

– Ну, серебро... – Она тут же спохватилась: – Так ведь нам сказали, что это не настоящие монеты. Помнишь? Эти парни из конторы Фейлоада еще анализ проводили, сказали, что это новоделы!

Она победно взглянула на брата. К ее счастью, отходчивый Торвал уже улыбался и покачивал головой:

– Во-первых, они и должны быть новоделами. Монеты ведь не в земле лежали, а с дедом попали сюда. Это раз!

Он загнул палец на руке, и Кати кивнула в знак того, что поняла брата и разделяет его мнение.

– Во-вторых, дед сказал, что у него был целый мешок этих монет, который он, по-видимому, потерял в туннеле, значит, мы окупим все расходы хотя бы на цене серебра. Это два!

Он загнул еще один палец, и снова сестра послушно кивнула.

– В-третьих, если дед был прав... – Торвал сделал паузу. – Если это все – правда...

Глаза канадца загорелись, и Кати заворуженно смотрела, как стремительно менялась фигура брата. Его спина выпрямилась, плечи расправились, а подбородок приподнялся.

– Если это – правда, то нас ждет такое приключение, что...

Кати постаралась максимально использовать момент.

– Я думаю, все будет так, как сказал дед. Все у нас получится! – Она тряхнула челкой. – Но если уж мы попали в эту жутко цивилизованную Северную Пальмиру, из которой можем надолго уехать в места куда более дикие, где нет вообще ничего, не считая болот и лесов, то, может быть... все-таки... чуть-чуть повеселимся? Ведь нам предстоит сидеть в этом убогом номере еще два дня! – Она заискивающе заглянула в глаза брата. – Давай сгоняем на ночной сейшн. Тут же должна быть клубная жизнь! – Кати протянула Торвалу целую кипу распечаток. – Я в Интернете читала! – Она начала перебирать пачку брошюр. – Вот посмотри. Молодежный бар, дискотека, казино... Или вот.

Пока она взахлеб перечисляла интересные, по ее мнению, места, брат вернулся к изучению карты и на слова сестры реагировал слабо.

Через пару минут, поняв, что говорит сама с собой, Кати умолкла, обиженно надулась и нахохлилась.

Торвал оторвался от стола, сделанного из ужасных древесно-стружечных плит, за которым, наверное, пили чай и водку несколько поколений коммунистов, и поднял взгляд на демонстративно молчащую сестру:

– Если ты хочешь, завтра сходим в Эрмитаж.

Ответом на это заявление был протяжный возмущенный возглас и пролетевшая мимо головы диванная подушка.

Двумя этажами ниже к полусонной даме, в гордом одиночестве сидящей за регистрационной стойкой, подошел невысокий мужчина средних лет. Портье оценивающе окинула взглядом потертый плащ, дипломат, помнящий еще Ельцина в его лучшие годы, старую шляпу и лениво бросила на стол бланк. Еще один командировочный.

Но незнакомец разочаровал. Вместо паспорта он открыл небольшую корочку красного цвета и продемонстрировал ее даме, не выпуская из рук. Тусклые глаза мужчины при этом невыразительно смотрели куда-то за спину женщины.

Дама подобралась:

– Чем могу?

Незнакомец не спеша убрал удостоверение.

– Дайте мне список всех, кто заселился к вам сегодня...

Вместе с номерами комнат.

Портье выдохнула, попробовала улыбнуться и торопливо протянула человеку книгу регистрации.

Проснулись они очень поздно. Разница в часовых поясах давала о себе знать.

Кати, едва позавтракав, тут же ускакала на экскурсию по питерским магазинам. Брат поднялся в номер.

Пока сестра дуется, спорить с ней бесполезно. Пускай действительно развеется. Для него же была другая программа.

Торвал проследил из окна, как от парадного входа уехало желтое такси со своенравной мисс Сигпорссон.

Пора и ему. Он сменил дутую куртку на неприметную темную ветровку, яркие кроссовки – на коричневые туфли. Так незаметней. Потом вызвал такси.

Когда машина проехала уже пару кварталов, Торвал вспомнил, что забыл в комнате бумажник с монетами. Пришлось возвращаться. У отеля было два входа, и парень решил сэкономить время, поднявшись не там, где он выходил. Так теперь получилось бы быстрее.

Торвал прошел мимо скупающего портье, легко взбежал по лестнице.

Дверь в номер была приоткрыта.

«А говорят, что русский сервис плох. Только вышел, уже порядок наводят», – подумал он, вошел и... замер.

Вместо убирающей кровать горничной спиной к нему, согнувшись, шарил по их сумкам незнакомый мужчина. Ро-

стом ниже среднего, в неброской одежде.

– What?!

Незнакомец отреагировал быстро – подскочил, развернувшись, и выбросил в сторону входа руку. Тугая струя из баллончика пропорола воздух в том месте, где мгновение назад был вошедший.

Вбитые тренировками рефлексy канадца сработали быстрее его же сознания. Тело ушло с линии атаки, левая нога повернула носок, а правая уже начала путь вверх.

Короткая серия ударов в корпус и живот была принята незнакомцем на блок. Ответный свинг был только для виду. Проигрывавший в сложении коротышка добавил такой же левый хук и бросился в ближний бой, сводя на нет преимущество роста у противника.

Торвал чуть не проморгал классный апперкот, а через полсекунды уже летел куда-то между кроватью и столом. Подсечка!

Добивать парня вор не пошел. Влетев в свое же облако газа, коротышка закашлялся и опрометью бросился в открытую дверь.

Спустя несколько секунд за ним выскочил канадец. В коридоре уже никого не было.

Внизу толстая дама, сидящая за стойкой регистрации, уверила его, что никто мимо нее не пробегал и не проходил, хотя глаза женщины при этих словах подозрительно бегали. В ответ на предложение вызвать полицию портье так стран-

но посмотрела на Торвала, как будто перед ней стоял совершенный дурачок.

Сигпорссон вернулся в номер, вызвал по сотовому сестру. Кати поупиралась, но явилась через полчаса.

Еще через сорок минут они покинули гостиницу.

В такси, увозящем их в сторону вокзала, Торвал под непрерывный зудех сестры вспоминал, что же такого необычного он заметил в незнакомце. Лицо? Тату? Может, пальцев не хватало на какой-то руке? Ведь резало что-то глаза?!

Парня передернуло. И верно... Глаза! Необычные, широкие, похожие на большую черную миндалину... С неестественными, громадными черными зрачками...

Сигпорссон вытер выступившую испарину.

1095 год

Новое – это всегда забытое старое. И, что бы ни случилось на свете, всегда найдется тот, кто вспомнит, что похожее уже где-то когда-то имело место, и, возможно, не раз.

Но тому, что захлестнуло осенью и зимой 1095 года Европу, не находили аналогов даже самые знающие мудрецы. Творилась история. Плохая ли, хорошая – то, что сейчас происходило в деревнях и городах Франции, Бургундии, Прованса и Нормандии, в Лотарингии, Тоскане и Наварре, что кипело в головах бесчисленных слушателей захлестнувших Европу тысяч проповедников, ведомых не знающим усталости «Вестником Господа» Петром Пустынником, – все это было внове. Все в первый раз.

К каждому человеку с тонзурой, появившемуся в селении, подбегали сразу, как дети бегут к отцу, принесшему сладости. Его обступали, спрашивали, задавали вопросы и слушали, слушали. Речь Урбана Второго о притеснениях христиан разошлась по Европе, в течение месяца достигнув самых ее закоулков в виде слухов и сплетен. Слова обращения передавались, искажались, дополнялись. Слезы христиан Азии утраивались, зверства еретиков, захвативших Гроб Господа, удесятерялись, и скоро не было в городах и весях того, кто

остался бы к этому безразличным.

Крест принимали селениями. Как ни старались настоятели церквей остановить волну чересчур уж пылкого энтузиазма, захватившую прихожан, остудить горячие головы, напомним им о словах самого Святого Петра, ничего у них не получалось. Крест принимали и рыцари, ведущие за собой копье или целый баннер⁴, крест принимали и пейзаисты, у которых из вооружения были только заточенные проржавевшие косы и обитые железом дубины. Сотни раскаявшихся разбойников шли к замкам ситительных сеньоров, требуя принять их в формирующиеся отряды. Десятки тысяч монахов молили настоятелей отпустить их в паломничество. Сонмы блаженных обещали рай избравшим путь, повторяя обещания Ватикана: сохранение всего имущества ушедших в поход, освобождение их на время паломничества от всех тягб и преследований, прощение всех грехов. За такое можно было и пострадать.

Нередко на дорогах можно было увидеть, как целая деревня снялась с места, распродав за бесценок имущество и кров, и направляется в святой край, где земля «течет молоком и медом». Грязные ручонки деток послушно держатся за подолы матерей, а отцы семейств, сжимая вилы и дубины, внимательно всматриваются вдаль с каждого холма. Скоро

---

⁴ Копье – средневековая тактическая единица (численность войска измеряли в копьях) – рыцарь с его оруженосцами и вооруженными слугами, иногда еще и с наемниками. В разное время в разных странах копье насчитывало от 3 до 12 человек. Баннер – соединение нескольких отрядов-копий.

ли явятся им земли Иерусалима?

Наивно, горько, страшно, но в то же время – волнующе, призывно и возвышенно.

В Европе творилась история.

Высокий норманн в длинной кольчуге, прикрытой военным плащом, и с замотанной в холстину секирой за плечами легко спрыгнул с мостиков причалившей к пирсам галеры. Портовые охранники проводили тяжелыми взглядами фигуру иноземца, но останавливать скандинава никто не стал. Трогать вспыльчивых берсерков всегда было себе дороже. Покинет незнакомец пристань и все – дальше он уже проблема городской стражи. Просыпающаяся Генуя бурлила, и проблем хватало и так.

Викинг споро проскользнул через месиво портового сброда, миновал улицу корчмарей и менял, обогнул квартал зажиточных купеческих семейств. Его путь лежал в пригород.

Через полчаса он стучал в низкие двери неприметного дома.

– Кто?!

Ответить не дали. Дверь распахнулась. В живот гостю смотрел взведенный арбалет. На лице скандинава не дрогнула ни одна мышца. За спиной тучного увальня, чьи свинячье глазки буравили посеченное шрамами лицо норманна, послышался старческий голосок:

– Кто там, добрый Жак?

Ответил викинг:

– Я к мастеру.

Толстяк осклабился:

– Нету здесь такого...

Болт ткнулся в живот.

Дальше события развивались быстро. Ладонь скандинава неуловивым движением отбросила в сторону взведенное оружие толстяка, а кулак влетел в то место, где мгновение назад находилась голова стрелка. Но увалень с непривычной для людей его сложения реакцией успел присесть... чтобы получить в нос коленом.

Тело охранника еще не упало на пол, как викинг был уже внутри.

Сидевший за широким, выскобленным добела столом старик лишь открыл рот для крика, как перед ним звякнул внушительный кошель, положенный рукой вошедшего.

Викинг молчал. Старик перевел взгляд с кошель на замершего скандинава, потом на тело у входа. Двери распахнулись, и в комнату влетели трое мужчин. Одетые в неброские одежды купеческих подручных или мелких торговцев, они рассыпались по комнате, окружая вошедшего. В руках каждого блестела сталь: меч, короткий абордажный топорик, стилет.

Старик молчал. Замер вошедший.

– Ты уверен, что попал туда, куда хотел, добрый человек?

От входа послышалось короткое покашливание. На пороге стоял закутанный в длинный плащ мужчина. Опушенный на глаза капюшон полностью закрывал лицо.

Троицаотреагировала мгновенно. Стиллет свистнул в воздухе, устремляясь в цель. Мечник прикрыл собой отпрянувшего и упавшего у двери во внутренние комнаты старика, воин с топориком напал на викинга. Скандинав легко ушел от выпада, принял второй удар на стальное обручье и коротким тычком в висок отправил противника в нокаут. Ошарашенный метатель удивленно уставился на собственный стиллет, который человек в плаще словил за лезвие и теперь подбрасывал на ладони.

– Стойте! – Голос норманна перекрыл крик старика, которым тот призывал подкрепления.

Генуэзец затих на долю секунды.

– Мы пришли сделать заказ, мастер.

Мечник дернулся в сторону скандинава, но старик ухватил его за лодыжку.

– Ты, наверное, ошибся, добрый человек?

Ответил человек у входа:

– Ты уже выполнял для нас небольшие заказы, маэстро...

Теперь же пришло время для большого дела, – голос звучал напевно, с легкой хрипотцой.

Старик присел:

– Господин... Аиэллу?

Незнакомец отбросил капюшон:

– У нас для тебя есть отличная работенка...

15 августа 1096 года. Флоренция. Селение Чиробьяджио. Вилла «Золотая горка»

Костя Малышев лениво повернулся к солнцу другим боком. Как быстро, однако, забываются старые привычки! За неполный год понятия о хорошем отдыхе, привитые ему с детства, поменялись полностью. Скажи ему кто еще полтора года назад, что, живя в десяти километрах от Средиземного моря, он за все лето только два раза искупается, Малышев бы рассмеялся.

В дверь деликатно постучали. Рот был занят, и Костя просто запустил косточкой от сливы в резную инкрустацию стеновой обивки. Для верности туда же полетел и серебряный кубок. Вот ведь сволочи! Раз в две недели решил отдохнуть, выспаться, нажраться и забыться, ан нет! И тут делами донимают!

Дверь чуть-чуть приоткрылась, в щель кто-то протиснулся. Силуэт был знакомый.

– Ба! Так это ж Захар!

Бывший красноармеец широко улыбнулся и обнялся с бывшим фотографом, вскочившим ему навстречу.

– Ну, рассказывай, что новенького привез? Какие новости при дворе?

Захар и Тимофей Михайлович ездили в город Пюи, где находился двор понтифика. Они были вызваны туда папским легатом, пожелавшим услышать от очевидцев о секте еретиков и сатанистов, затянувшей в свои сети самого германского императора.

Монтейльский епископ Адемар де Пюи, номинальный глава похода и легат папы, происходил из боковой ветви графов Валентинуа, рода, восходящего к Карлу Великому, и слыл очень въедливым человеком. Если уж ему по дороге к Гробу Господню предстояло встретиться не только с сельджукскими⁵ эмирами, но и с неизвестной ему сектой, то глава войска желал лично выяснить как можно больше о возможностях новых противников.

Пригодько на вопрос Кости пожал плечами. Был он весь засыпан мелкой пылью, потный и разговорам явно предпочитал кувшин с прохладным разбавленным вином. Подождав, пока друг утолит жажду, Малышев повторил вопрос.

На этот раз сибиряк сумел ответить:

– Что нового? Да в общем-то и ничего... Разве что войска из Пюи скоро выйти должны, так меня Михалыч к тебе послал, велел сказать, чтобы ты собирался в Константинополь.

Красноармеец оторвал ножку от жареной курицы.

---

⁵ Сельджуки – ветвь огузов из племени кынык, наряду с туркменами, османами и прочими входящая в этноязыковую общность турков (европейское название – турки). Получили имя от основателя орды Сельджука. Сельджукиды, потомки Сельджука, к началу крестовых походов владели территорией от Коканда и Кабула на востоке до Никеи на западе.

– Да еще нас пару раз пробовали на тот свет отправить... То ли нас, то ли местного судью, тут уж разобраться сложно... Налет сделали – человек сорок нагнали. Если б не автомат – положили бы... Потом в гостинице, на дворе постоялом, бучу учинили.

Малышев чертыхнулся:

– Опять?!

Пригодько, рот которого был забит едой, только кивнул и пробурчал:

– Угу! – Он проглотил кусок и добавил: – Так что Михалыч просит вас тут поторопиться. В поход поскорее. Уж больно тут желающих много на шкуры наши.

За последний год дела компаньонов пошли в гору. На деньги, полученные от Иоланты де Ги за найденную казну баронетства, и остатки от выкупа богатого пленного, захваченного Костей в войне с Миланом, русичи должны были совершить путешествие в Эдессу, столицу одной из провинций государства сельджуков. Именно там находилось капище богини, поклонники которой вытянули из разных годов двадцатого века четверых представителей будущего этого мира. Вытянули, чтобы поспрашивать и отправить в могилу, но... частенько случается, что судьба выкидывает самые неожиданные фортели. Таким образом, планы секты полетели в тартарары благодаря вмешательству местного ярла. Но сектанты сумели увезти прибор, который перенес четверых то-

варищей в новую эпоху, и так как все четверо выходцев из будущего стремились попасть домой, то собратья по несчастью двинулись на поиски нового прибежища своих врагов. Попав в Европу, они оказались при дворе Генриха Четвертого, императора Германской империи, откуда вынуждены были бежать в Италию вместе с женой императора, дочкой киевского князя Евпраксией Всеволодовной, нареченной после венчания и перехода в католичество Адельгейдой. Папа Римский помог им укрыться от гнева императора. При этом беглецы, даже не прилагая особых усилий, по сути дела спровоцировали то мероприятие, которое впоследствии получит название Первого крестового похода. Из-за того, что поход в Палестину ради освобождения Гроба Христова из рук иноверцев фактически означал объявление войны всему мусульманскому миру, четверка была вынуждена остаться на время в Италии. Попасть в азиатские зинданы в качестве католических шпионов им не хотелось.

Костя все это на время забыл. И немудрено! За год, который они вынуждены были провести во Флоренции, «полочане», а именно выходцами из далекого Полоцка представлялись здесь соратники, развернулись. Деньги, имевшиеся у компании, было решено вложить в какое-нибудь дело, чтобы заработанное серебро давало прибыль до того самого момента, когда всей четверке придется отправляться в путь. Тем более что в успехе похода за аппаратом перемещения во времени русичи уверены не были. Уж очень быстро против-

ник ретировался с предыдущей своей стоянки, да и слишком сильной казалась секта поклонников забытой богини.

С инвестициями определились быстро. Один из новоиспеченных крестоносцев продавал виллу с большими виноградными полями недалеко от усадьбы новой пассии Малышева. Хозяйство не ахти, всего несколько гектаров, но с домом и многочисленными хозяйственными постройками. Такие виллы в Италии строили еще со времен Рима. В богатых семействах было принято иметь загородный дом с участком, этакую дачу.

На это земельное владение и ушли почти все сбережения. Стоимость виллы еще недавно была бы в два-три раза больше, но приближающийся поход так взбаламутил Европу, что сложившейся за годы системе цен пришлось кануть в Лету. Тысячи рыцарей, десятки тысяч крестьян распродавали хозяйства, с тем чтобы обеспечить себя необходимыми припасами для паломничества, рассчитывая в обещанном раю под названием Иерусалимское царство вернуть утраченное сторицей. Поэтому спрос на землю и недвижимость в некоторых районах Северной Италии и Франции упал в пять – десять раз. Зато ажиотаж вокруг коней и оружия взвинтил цены на них до небес. Лошадники устраивали аукционы для желающих экипироваться, доводя продажную стоимость трехгодовалых породистых коней, способных нести на себе рыцаря в полном вооружении, до трехсот солидов.

По предложению Кости теперь уже не просто товарищи,

но и компаньоны развернули на базе купленных виноградников производство крепленых вин, которые получали простым добавлением самогона в ординарные сорта. Технология получения спирта была первым применением тех знаний, которые они вынесли из своего времени.

Вторым этапом было производство пороха, пока в малых количествах. Для начала русичи договорились с артелью углежогов, до этого поставлявших свой продукт исключительно в кузницы городских цехов. Костя и Улугбек предприняли путешествие по Северной Италии, в ходе которого проверяли старые шахты, заброшенные еще во времена Римской империи. Так у них появились выходы на источники природной серы и соды, получаемой из содовых озер. Кроме серы и угля для пороха нужна была селитра, то есть нитрат калия, который в небольших количествах добывали методом выпаривания из продуктов жизнедеятельности. Полученный порошок из-за высокого содержания примесей часто не горел или коптил, омерзительно воняя при этом. Венецианские купцы в обмен на чистый спирт привезли из Византии пару корзин индийской калийной селитры. Цена порошка, запрошенная носатыми торговцами, была высокой, но качество продукта – отменным.

Так называемая наука отнимала немного времени и нервов. Основной заботой Малышева стала текучка.

Костя следил за работниками, припасами, кладовой, но главное – за цехом, проще сказать, сараем, где был установ-

лен перегонный аппарат, и виноградниками, продукция которых уже не только охотно раскупалась на внутреннем рынке Ломбардии и Флоренции, но и поставлялась за рубеж, в Сицилию, Венецию, Геную и Пизу. Приезжали даже из Византии.

До широкого применения «огненной воды» дело еще не дошло, но ее охотно покупали аптекари. Этой штукой можно было согреться в холодную погоду, растереть конечности при обморожениях, добавлять в вино тем гостям, чье длительное присутствие на празднике нежелательно. Кроме того, чистый спирт пользовался большой популярностью для разжигания огня в тяжелых погодных условиях.

За год компаньоны довели количество перегонных кубов до трех и оборудовали подвал для хранения браги.

Костя предлагал к цеху перегонки добавить заводик по производству стекол, продажу которых монополизировали ушлые венецианцы, но собранием «совета директоров» это оставили на тот случай, если будущие поиски в Азии не увенчаются успехом. На жизнь компаньонам вполне хватало и доходов от продажи спиритуса.

Пока же рыцарь Тимо и его оруженосец Захар находились при дворе Его Святейшества, а Сомохов сопровождал очередную партию товара в порт Пизы, кто-то вынужден был оставаться на вилле: местные слишком быстро смекнули, что стакан первача вполне заменяет два кувшина местного слабенького винца.

Рутина засасывала Костю.

– Блин! Вот голова! Вся забита, – посетовал еще раз Малышев. – Так че? Бежать вещи паковать?

Захар покачивал головой. После вина, да еще в прохладе крытой террасы, его здорово разморило. Он успокоил товарища:

– Охлонись... Тыпру! Улугбек Карлович же еще нам говорил, что пешком итальянцы туда будут полгода добираться.

Костя пододвинул кресло поближе к Пригодько, явно настроившемуся подремать.

– Эй! Отставить носом клевать. Потом доспишь, солдат! Какие еще там вести из Европы?

Захар приоткрыл глаз и с ленцой начал излагать все те сведения, что успел получить от ежедневно прибывающих в стан папского двора, то есть в Пюи, людей. А новости и правда были грандиозные.

На призыв Святого престола откликнулись не только рыцари и бароны. Неимущие, крестьяне, городская беднота также собирались в поход. На землях католической Европы кроме армий, возглавляемых крупными феодалами, собирались целые толпы бедолаг, желающих найти лучшую жизнь.

Главным проповедником этого похода был Петр из города Амьена, по прозвищу Пустынник. Маленького роста, худой, пожилой, одетый в шерстяную хламиду на голое тело, с босыми ногами, он неутомимо разъезжал на своем ослике по полям и весям Северной и Средней Франции, появляясь то в Иль-де-Франсе, то в Нормандии, то в Шампани. И везде вокруг этого непримечательного человека собирались толпы. Крестьяне, рыцари, феодалы и купцы слушали его пламенные воззвания идти и спасти Гроб Господень. Люди шли за Петром как за пророком Божьим. Оборванец проходил через города и села, окруженный толпою, осыпаемый подарками и прославляемый, как настоящий святой. Никогда ни один смертный еще не был так популярен. Все подношения, все полученное золото и серебро Пустынник раздавал бедным, чем еще больше поднимал свой невиданный для простого человека авторитет. Даже крупные сеньоры, бароны, герцоги и графы, признавали его, прося быть третейским судьей, и Петр устранил разногласия и мирил самых жестоких вра-

гов. Божественное вдохновение чувствовалось в его движениях, словах, поступках. «Над ним витал Дух Господа нашего» – так шептали при приближении этого аскета с горящими глазами и просили у него благословения. А после ухода его часто в короткий период становились безлюдными целые районы – все шло в паломничество.

Уже в марте 1096 года дороги Франции и Северной Италии заполнили толпы вооруженных чем попало крестьян, путь которых лежал на восток, как и призывал Петр. К ним постоянно присоединялись бродяги, беглый люд и разбойники. Под знамена великой идеи становились и некоторые рыцари, не имевшие земли и сюзерена или не желающие ждать назначенной папой даты выступления.

В апреле 1096 года орды голытьбы, ведомые своим кумиром, собрались в районе Кельна. Здесь Петр начал проповедовать среди германцев, а французских крестьян, собравшихся в немалое войско, направил к берегам Босфора под руководством одного из примкнувших к нему рыцарей по имени Вальтер и по прозвищу Голяк. С ним в Византию ушло более шестидесяти тысяч боеспособных мужчин, за которыми тянулись еще и тысячи повозок с семьями и имуществом.

Главной ошибкой их было время выступления. Весна – это всегда самое голодное время для крестьян. Запасов беднота с собой взяла сколько было, а было очень мало. Денег у паломников не было совсем. Таким образом, все

припасы у христианского воинства кончились уже на границах Булгарского царства. Чтобы прокормиться, войско разделилось на несколько крупных отрядов и принялось по дороге грабить местных. Языковые и религиозные разногласия только долили масла в разгорающийся костерок недопонимания. Банды мародеров получили жестокий отпор. Лишь небольшая часть войска под руководством Вальтера сумела пробиться к Константинополю, где, к их счастью, была приветливо встречена императором Алексеем.

Пока Петр Пустынник собирал вторую армию бедноты на немецких землях, в путь тронулась третья армия Христовых воинов. Шли англичане, французы, итальянцы, лангобарды, даже испанцы. Эти люди истратили для подготовки к походу буквально все, что у них было. Если в первой волне ушли те, кому нечего было терять, то теперь к Иерусалиму двигались жители благополучных селений. Они распродали имущество, загрузили в повозки то, что смогли собрать на полях. Обитатели тысяч деревень поголовно покидали родные места и шли к Босфору. Некому стало убирать созревающий урожай, не из кого выбивать налоги и недоимки. Двинулась в путь и германская крестьянская армия под руководством самого Петра. Она насчитывала сорок тысяч человек.

Эти слухи доходили до Кости и раньше, но масштаб истерии, охватившей Европу, он смог оценить только сейчас.

А Захар продолжал рассказ.

Крестоносное воинство Петра к началу лета вышло к гра-

ницам Венгрии и сумело почти без потерь пройти ее и благополучно добраться до Босфора.

И тут же по их следам, распаляемые голодом и своими фанатичными поводами, двинулись толпы крестьян третьего крестьянского войска. Те, кто задержался... Не имея централизованного командования, они шли каждый за своим поводом. В долинах Рейна толпы под руководством монахов Готшалка и Фолькмара уничтожили все еврейские поселения, после чего Европу захлестнула волна погромов. Жида были богаты, верили не в того Бога, да и вообще – кто Христа распял?! Император Германии не решился защитить своих поданных. Евреев в Рейнской области, Баварии и Австрии, в городах Шпейере, Майнце, Кельне, Трире и Вормсе извели подчистую. Под шумок многие постарались свести к нулю свою задолженность перед богатыми ростовщиками: то тут, то там в городах вспыхивали волнения, результатом которых становились сожженные дома известных финансистов и посветлевшие лица их заемщиков.

Венгры, пропустив немецкую армию Петра, не стали терпеть очередное нашествие голодных и воинствующих оборванцев, тем более что, не сдерживаемые авторитетом Пустынника, крестьяне начали грабить население. Угры один за другим разгромили несколько отрядов, а под стенами городка Везельбурга вырезали основную массу двухсоттысячной армии голодранцев под командованием графа Эмиля Лейнингенского. Только жалкие крохи последней волны

крестьянского ополчения сумели пробиться к столице Византийской империи.

Жизнь в Европе замирала. По следам ушедших готовились пойти еще сотни тысяч. Только теперь церковные власти поняли, что они натворили, и ужаснулись содеянному. По пустым деревням, по обезлюдевшим городам покати́лась новая волна проповедников. Тысячи монахов убеждали тех, кто остался или еще собирался в поход, не спешить и как следует подумать, стоит ли им вообще покидать родные края. Урбан Второй, узрев плоды своей проповеди, стремился сохранить население Европы, которое неплохо кормило служителей Божьих. Кто-то и впрямь послушался, кто-то просто побоялся разделить участь соседей, сгинувших, по слухам, не то в Венгрии, не то в Болгарии, но социального катаклизма удалось избежать.

Тем не менее к началу августа у Константинополя собралось около шестидесяти тысяч оборванных, голодных, вооруженных как попало людей. Вся эта орда, где крестьяне и городская беднота были разбавлены разбойниками и редкими нищими вояками, стремилась на ту сторону Босфора. Лишенные всякого понятия о дисциплине, они уже не повиновались и самому Петру, убеждавшему дожидаться подхода основных сил во главе с легатом Адемаром. Когда пригороды столицы Византийской империи захлестнули грабежи и бесчинства, терпение басилевса лопнуло. Он приказал переправить всех крестоносцев через пролив в крепость Цибо-

тус, откуда и начался завершающий этап того, что впоследствии получило название «Крестовый поход бедноты».

Новоявленные паломники рвались вперед, в земли мусульман. Видя, что удержать свое войско он не в силах, уже не чувствуя своего авторитета у верящих в скорое обогащение ополченцев, Петр Пустынник отрекся от руководства и отбыл обратно в Константинополь, не желая иметь ничего общего с теми людьми, которые его не слушались. Отныне беднота, лишенная даже иллюзорного единоначалия, была обречена.

Но поначалу удача была к ней благосклонна. В нескольких стычках вчерашние крестьяне обратили в бегство войска сельджуков, один из французских отрядов разграбил пригороды Никеи, столицы Румийского султаната. Эта вылазка окончательно расслоила разношерстное войско. Германцы под руководством Рено де Брея, которого византийцы часто называли Рейналдом, двинулись в ту сторону, откуда только что вернулись их столь удачливые товарищи, оставив остальных крестоносцев в укрепленном лагере под Циботусом. Под стенами Никеи их уже ждали. Захватив укрепление Ксеригорд, немцы в течение восьми дней отбивались от сельджуков, но были преданы своим вождем и вырезаны все до единого.

В это время, услышав о бедствии товарищей, на помощь им отправились все остальные ополчения. Крестьяне шли так же, как до этого по землям Византии или родной Фран-

ции: толпы мужчин с косами и вилами впереди, позади телеги с семьями. Никакого охранения или разведки, разумеется, не было и в помине. Примерно в двадцати километрах от лагеря их всех поджидала засада. Для сельджуков, прирожденных воинов, покорителей всего Востока, необученная банда крестьян, уже уставших под безжалостным солнцем и еле волочивших ноги, стала легкой добычей. Большую часть крестоносцев они побили на расстоянии стрелами, людей, бросившихся бежать к близкому Циботусу, затоптали конями. Тех же, кто сдался на их милость, а таких было более двадцати пяти тысяч человек, не считая женщин и детей, турки обратили в рабство. Лишь несколькими отрядами, общая численность которых не превышала трех тысяч человек, удалось добраться до побережья, где их подобрала суда византийской эскадры.

Так бесславно закончился великий поход бедноты за счастьем.

Захар рассказывал еще долго.

Всего в поход за освобождение Гроба Господня собирались три христианские армии. Лотарингская, она же германская, под командованием Готфрида, герцога Нижней Лотарингии, графа Бульонского, его брата Евстафия и Балдуина; южнофранцузская, состоящая из лангедокцев и провансальцев, под руководством старого графа Раймунда, графа Сен-Жиля, он же – граф Тулузский, герцог Нарбоннский, маркграф Прованский; и северофранцузская армия норманнов, англичан и выходцев из домена французского короля. За ведущую роль в ней спорили Гуго де Вермандуа, брат отлученного от Церкви французского короля Филиппа Первого, и Стефан Блуаский, шурин Роберта Норманнского, начитанный и очень богатый человек, негласный глава северного ополчения. Сам Роберт, граф Норманнский, по прозвищу Коротконогий, и его брат Роберт, граф Фландрский, в командеры не лезли.

Костя почесал голову.

– А я все смотрю: земли дешевеют и дешевеют, – посетовал он. – Я за выручку от прошлой партии спирта, что мы византийцам вдули, могу прикупить соседнее поместье. Алесандра очень советует. Говорит, что год назад за него бы в пятнадцать раз больше запросили бы.

Костя поднялся и нервно прошелся вдоль перил террасы.

– Так, может, все-таки уже и собираться надо?

Захар отмахнулся:

– Тимофей Михайлович тоже сказал, что с такими вояками, как те провансальцы, можно еще недели две балду гонять, а потом еще месяц отдыхать.

Он припал к кубку, крикнул и потянулся за бужениной.

– Дождемся Улугбека и начнем. – Но тут рот путника забил сочный ломоть свежеприготовленного мяса. – А пока...

Глаза уставшего человека медленно прикрылись. Дыхание замедлилось и стало мерным, будто специально подстраиваясь под редкие дуновения ветра, изредка залетающего на террасу через плотные занавески.

– Можно и не спешить, – уже сквозь полудрему добавил он.

Полночь уже миновала, когда один из прикорнувших на террасе мужчин зашевелился. Что-то мешало спать. Костя проснулся, рывком сел, потянулся и, охнув, схватился за голову.

– У-у-у... Когда же я пить-то научусь?

Рядом надрывался в попытках перекрыть серенаду расквакавшихся лягушек Захар. Из открытого рта его вылетала такая какофония, такой забористый храп, что Костя удивился, как это он умудрялся спать при этом.

Малышев пошарил на столе. Ни воды, ни вина не было. Пришлось идти в коридор, где еще оставались запасы.

Пока бывший фотограф поправлял здоровье, осушая один за другим кубки с разбавленным вином, которое здесь подавалось вместо воды, мир вокруг него понемногу приходил в норму, приобретая знакомые очертания.

Луна спряталась за тучку, но все равно было достаточно светло.

Малышев почувствовал непреодолимое желание пройтись... Как минимум на двор.

Уйти ему не дали.

Шорох за перилами террасы в редких перерывах громopodobного красноармейского храпа так и остался бы незамеченным, если бы не слух Кости, явно обостренный постал-

когольным синдромом.

Малышев еще удивленно крутил головой, силясь понять, что же так привлекло его внимание, как в его поле зрения появился новый предмет, весьма достойный изучения. Короткая стальная кошка, обмотанная для бесшумности толстым шнуром, перелетела через перила, следом послышалось тихое сопение и звук трения кожи о штукатурку.

Опьянение как ветром сдуло.

Костя выскользнул из башмаков и бесшумно вернулся на террасу. Через мгновение в одной руке его уже лежал короткий кинжал, а в другой покоился револьвер. Захар, выводя рулады храпа, создавал прекрасный фон, так что будить его Малышев не решился.

Выбрать место для засады ему не дали. Пока Костя осматривался, над перилами появился силуэт. Костя замер в углу у выхода, там, где сидел, справедливо полагая, что в тени он будет незаметен.

Осмотревшись, ночной гость мягко спрыгнул и двинулся в сторону спящего Пригодько.

«Неужели один?» – Костя навел на силуэт револьвер, когда легкий шум за спиной заставил его обернуться.

Он еле успел среагировать. Лишь только темная тень в дверном проходе взмахнула рукой, Малышев уже летел на пол. Короткий топорик нападавшего врезался в косяк двери и остался в ней. Тут же щелкнул короткий арбалет во второй руке бандита. Болт вошел в пол, разодрав рубашку.

– Захар! Б...! Тревога!!!

Костя выстрелил во второго налетчика, но место, где мгновение назад стоял враг, теперь пустовало.

Кувыркот откатившись в сторону, Малышев бросил взгляд на террасу. Там было жарко: приземистый незнакомец в черной одежде споро орудовал тонким стилетом, пытаясь наколоть отмахивавшегося табуреткой Пригодько. Красноармеец пока уворачивался.

Костя дважды пальнул в убийцу. От вспышек выстрелов он и сам на мгновение ослеп.

Послышался мат сибиряка. Видимо, пули или табуретка достали врага. Теперь надо было обязательно найти второго.

Костя, всматриваясь, повернулся обратно ко входу. Враг должен быть где-то рядом... Но его не было. Большая часть террасы была перед его взором, за исключением небольшого пятачка, где, судя по звукам, Захар добивал убийцу. Но второго киллера не было нигде.

Тень в углу! Костя пальнул туда, еще выстрел в складки закрывавших проемы занавесок. Шорох где-то над головой, он резко вскинул руку с револьвером... и пропустил удар.

...Захар проснулся от крика. Первое, что он увидел, был силуэт с кинжалом в руке. Незнакомый силуэт.

Тут же грянул выстрел.

Бывший красноармеец, а нынче оруженосец скатился с лавки, на которой спал, и подхватил первое, что попало под руку, – табурет. Убийца прыгнул ближе и ударил. Снизу,

с выпадом. Сталь скользнула по руке.

Струйка теплой крови побежала по складкам разрезанной рубашки. Захар от души врезал табуреткой по роже бандита, но удар пришелся в пустоту. Тот скользнул под локтем и дважды коротко кольнул в грудь. На счастье, бил он вскользь, и двойная кольчуга выдержала.

«Не снял», – успел вспомнить Захар, опуская табурет на спину противника.

Немудреный предмет мебелировки с хрустом разлетелся, оставив в руке Захара только короткую ножку. Враг упал.

Грохнули еще два выстрела. В лицо брызнула древесная щепка – вторая пуля расколола ножку надвое. Поверженный, но еще совсем не мертвый браво⁶ откатился к окну и вскочил на ноги.

Над правой бровью Захара торчала осиновая щепка в палец длиной, кровь хлынула ручьем, заливая глаза.

– Да... твою мать! Костя! Целься лучше!

Он подхватил с пола лавку, но враг не стал дожидаться. Убийца скользнул к самому полу и выбросил руку. Свистнула сталь. Захар, получивший изрядный опыт в последнее время, успел пригнуться и отпрыгнуть. У стены, в том месте, где только что стоял он, торчали два коротких метательных ножа.

Браво выпрямился. В его руке опять сверкнул узкий стилет.

---

⁶ Браво – наемный убийца в Италии.

От первого замаха сибиряка он легко увернулся, зато открылся под второй. Когда лавка, казалось, уже припечатывала незваного гостя к полу, убийца прогнулся, выбросил руку и отпрыгнул. Что-то кольнуло Захара в области бедра. В этот раз кольчуга пропустила тонкое шило. Неглубоко, но достаточно, чтобы кровь потекла. За спиной палил куда-то Костя.

Браво закружил вокруг. Он походил на хищного хорька, охотящегося на тучного тетерева. Один бросок до смерти! Если тетерев будет ждать...

Пригодько метнул скамью. От души, со всей силы.

Браво увернулся, отпрыгнул... И оказался перед стволом «Суоми».

– Сука!

Очередь подбросила тело в воздух, заполнив небольшую террасу дымом и грохотом.

– На!!!

Изрешеченный труп повалился на пол. Захар обернулся к товарищу.

Тело Кости валялось у самого выхода. Над ним, под самым потолком, висел еще один браво. Прицепившись к потолочной балке хитрым крюком на поясе, бандит взводил короткий самострел.

Захар вскинул автомат. В глазах убийцы мелькнул ужас.

– Бросай! Положь, гадина, не то хуже будет!!!

Несмотря на то что орал он на русском, туземец все понял. Видимо, интонация была выбрана самая правильная. Браво

замер на секунду и, медленно разведя руки, выронил на пол свое оружие.

– И молись, скотина, чтобы он жив был!

Незнакомец все так же молчал. Взгляд его не отрывался от ствола автомата.

Пригодько медленно двинулся к телу Кости. Тот застонал.

Пленный киллер молчал.

Утром выяснилось, как убийцы попали на виллу. В кустах у забора со стороны дороги валялась лестница. Там же стояли два привязанных коня. А у ворот лежал зарезанный поваренок, попавшийся на пути незваным гостям.

Мертвеца изучили. Белый мужчина, около сорока лет, жилистое тело, несколько шрамов, короткая ухоженная бородка, маленькая татуировка – скрещенные кинжалы – под левой подмышкой. При виде их удивленно полезли вверх брови отставного мечника флорентийского герцога, доживавшего век на вилле и доставшегося новым владельцам «по наследству». С его слов, такими могли похвастать только генуэзцы, вернее, клан Сантарелли. Это была признанная фирма. Их нанимали купцы и благородные, гильдии и цеха. Клан брался только за очень большие заказы. Причем плату требовал вперед и всю. Заключая договор с Сантарелли, заказчик будто выписывал клиенту пропуск на тот свет. По желанию исполнители даже предлагали выбор пути – кинжал, гаротту⁷, яд. Очень дорого. И со стопроцентной гарантией.

Такую же тату нашли и у пленника – невысокого чернявого парня лет двадцати пяти.

Ветеран посмотрел на Малышева как на покойника.

---

⁷ Гаротта – удавка.

Откуда пришли убийцы, стало ясно. Осталось узнать, кто их послал. И тут русичи столкнулись с проблемой. Тот, кто должен был дать ответ, упорно молчал.

После того как первый шок от действия огнестрельного оружия прошел, генуэзец, тихо шептавший молитвы с видом обреченного, попробовал освободиться от пут. К тому времени, когда охающий и держащийся за голову Костя случайно заглянул за спину пленника, выскользнувшее из шва куртки убийцы лезвие почти закончило резать кожаные ремни. Браво попробовал форсировать события, но удар дубинки отправил его отдыхать. А когда итальянец очнулся, он уже был спеленут, как младенец.

Наемник молчал. Когда его били, резали пальцы, ломали суставы и вырывали ногти. Он ревел от боли, из глаз текли слезы, в перерывах генуэзец молился... и молчал. Пытал его все тот же ветеран.

День шел к вечеру, а ответов не появилось.

Старый флорентиец, судя по всему, добрейшей души человек, приволок от кузнеца целую бадью разных приспособлений – от зажимов и тисков до зубил и молоточков. Следующим пунктом программы шло поочередное дробление костей. Костя и Захар, не сговариваясь, покинули помещение и были позваны обратно уже через десяток минут.

Браво умер.

Воспользовавшись тем, что в комнате их осталось только двое, пленник выудил свой нательный крестик, разгрыз его

и умер от спрятанного там яда. Умер с проклятиями и пожеланиями скорой смерти своим губителям.

Ниточка была порвана.

Машина ухнула. Противовесы стукнули о деревянную планку, натужно хрустнула балка запора, тяжеленная корзина камней унеслась к воротам замка. Стоявший на бруствере высокий воин в длинной червленой кольчуге всмотрелся в результаты обстрела. Каменья разворотили деревянную галерею, вывернули пару балок, но практически не оставили следов на кладке замка.

– Проклятье! – Красивое лицо исказила гримаса.

Воин спрыгнул в выкопанную траншею. Широкогрудые бородачи-викинги, тут же обступившие его, казались коротышками рядом с этим исполином. Он и в плечах был шире любого из них. Тело его не было телом юноши, сухожилия и проступившие морщины говорили о прожитых годах. Светлые, даже немного отливающие медью волосы гигант стриг коротко, бородку брил на византийский манер. Голубые глаза лучились уверенностью и силой. Быть бы ему мечтой всех встреченных дам, если бы не суровый, даже немного аскетичный облик и звериная ярость в движениях и речи, заставлявшая испуганно жаться бочкообразных ветеранов. В отличие от молчаливых товарищей, воин не стеснялся в выражениях:

– Танкред, где твои инженеры? Где эти сраные ослолюбы, которым я плачу по десять солидов за день? Почему эта

хрень, которую они собирали всю неделю, только царапает стену?!
Все присутствующие вжали головы в плечи.

Молодой воин с только проросшей короткой бородой осанкой и посадкой головы слегка напоминал своего командира. После секундной запинки юноша попробовал оправдаться:

– Говорят, здесь подход короткий. Бить лучше навесом, не по прямой, а для этого надо разгружать весло и гасить удары. Если бы можно было...

Но его прервал рык:

– Я их в первых рядах на штурм пушу. Пусть дырками в шкуре отрабатывают свое содержание, если ничего толкового сделать не могут!

Танкред молчал.

– Если мы не выкурим мятежников из Амальфи на этой неделе, то впору пускаться домой. Нам здесь будет нечего делать, когда к ним придут подкрепления. Нас здесь вообще не будет!

Исполин еще раз выругался и обратил взор на лагерь своего войска.

Вдали показался одинокий всадник, скоро перед удивленным командиром спрыгнул запыленный гонец.

– Мой принц, – запыхавшись, начал он.

Воин жестом показал, что тот может продолжить.

– Мой принц, в долину входит войско.

Брови военачальника поползли вверх.

– И чье же это войско?

Гонец пригнул голову:

– Это не мятежники. Это лотарингцы и франки.

Принц не поверил:

– Здесь?! Люди Готфрида? Какого черта?

Гонец еще раз поклонился:

– Это малый отряд. Они были в Апулии⁸ у вашего брата⁹, а теперь следуют к месту сбора, чтобы затем, вместе со своим сюзереном, отправиться в паломничество. Сперва пешком дойдут до Константинополя, потом переправятся через пролив к Никее и Антиохии, отвоевывать Гроб Господень.

Окружившие принца воины перекрестились, с секундной задержкой перекрестился и вождь.

– Что за новость?

Гонец затараторил:

– Все они – пилигримы, с молитвой идущие биться за Святую землю. Папа Римский подарил им Азию, кто придет первым, тому все и достанется. Рай там, говорят. Земли молоком сочатся, а реки – вином. Тем, кто идет на Иерусалим, все грехи прощаются, говорят, а земли их Церковь хранить будет и долги требовать запретит во время всего их паломничества.

Принц почесал затылок:

---

⁸ Апулия – одна из южных провинций итальянского «сапога».

⁹ Имеется в виду Рожер Борса, сводный (по отцу) брат Боэмунда.

– И много их? Земель... то есть воинов, конечно. Воинов много?

Гонец развел руками:

– Сказали, что тех, кто принял крест, как деревьев в лесу, видимо-невидимо. Клич их: «Так хочет Бог», все они носят на груди крест из красной материи. – Подумав немного, он добавил: – Еще мне один кнехт проболтался, что за ними идут норманны с Робертом Коротконогим и провансальцы с Раймундом, но они будут первыми.

Принц задумался, бросил взгляд через плечо на стены Амальфи, ткнул носком сапога в остов метательной машины. Затем рывком сорвал с собственного плеча багряный плащ ценою в сотню солидов и бросил его соратникам:

– Резать на кресты. Мы выступаем через месяц. – Он обернулся к Танкреду: – Племянник, поедешь к Рожеру... Нет, к обоим Рожерам¹⁰. Если уж брат мой младший остается на царствие¹¹, то пускай готовит припасы, да и дяде растряссти мощну на богоугодное дело не помешает. Нам предстоит дальняя дорога.

Он повернулся к остальным:

– А вы что устались?! Снимаемся! Бегом! Чтобы через

---

¹⁰ Вторым Рожером принц называет своего дядю Рожера Сицилийского.

¹¹ Отец Боэмунда, вняв настойчивым требованиям своей второй жены, итальянки, оставил завоеванные итальянские земли своему младшему сыну Рожеру Борса, а старшему, Боэмунду, завещал лишь маленький город Тарент и «все земли норманнов к востоку от Адриатики», т. е. земли, которые норманнам фактически не принадлежали и которые еще надо было отвоевать у Византии.

два часа лагеря не было! К черту это село, когда вся Азия ждет нас!

Бородачи послушно потрусили со склона, оставив на нем только исполина-вождя с его племянником, испуганно жавшихся к стенкам носатых инженеров и гонца, послушно разавшего драгоценный плащ на маленькие кресты.

– Вот так вот, племяш. Сидим здесь на окраинах – от жизни отрываемся, – с улыбкой посетовал принц.

Боэмунд, князь Тарентский, старший сын завоевателя Сицилии Робера Гюискара, принял крест. В составе Христова войска появилась еще одна армия.

Улугбек Карлович приехал через три дня после того, как на вилле, принадлежащей компаньонам, объявился бывший красноармеец. Прибыл ученый поутру, был свеж, что-то напевал и вообще производил впечатление человека, которому все вокруг нравится, в отличие от товарищей, поджидавших его.

Костя уже второй день пил в компании Пригодько. Алесандра Кевольяри уехала на виллу, доставшуюся ей по наследству от бывшего супруга, напоследок потребовав от любовника определиться с собственным и ее будущим. Красавице не нравилась перспектива оставаться одной, пока Костя совершает паломничество на край света.

Вот Малышев и определялся.

Вокруг дома бегали собаки, день и ночь бродили патрули из вооруженных слуг. Внутри было пусто...

Пили друзья по-черному.

Специально они не старались, но просто сначала почему-то закуски не потребовали, а потом уже было не до того, хотя слуги, угадывая желания хозяина, сами принесли блюда и вазы с мясом и фруктами.

Захар еще в самом начале процесса, узнав про терзания товарища, предложил было наплевать и забыть. Все равно им пора домой, здесь нынче очень уж жарко.

Костя на легкий вариант решения жизненной дилеммы не шел. По его мнению, ответ должен был медленно вызреть, сам прийти по мере опустошения запасов спиртного. Честно говоря, последнее было маловероятно, так как деятельность перегонного цеха не останавливались, но товарищей это не пугало.

Когда Улугбек Карлович заглянул на террасу, занавешенную от жары влажными простынями, которую друзья избрали местом пребывания на второй день запоя, то тут же захотел выскочить обратно. Воздух был пропитан сивушный запахом, весь пол покрыт хлебными крошками и черепками от двух разбитых кувшинов, тут же находились несколько винных луж, присыпанных свежим сеном, и прочие следы активной жизнедеятельности. Посреди всего этого великолепия за столом сидели, обнявшись, Захар и Костя. У обоих опухшие лица, воспаленные глаза, всклокоченные волосы.

– И давно вы так? – Археолог оглядел наконец-то помещение, брезгливо смахнул со свободного табурета остатки еды и сел.

Костя сфокусировал взгляд, потом начал толкать в плечо красноармейца, тупо разглядывающего голую стену.

– Захар, глянь, галюник! – Он ткнул пальцем в сторону Сомохова, при этом задел чашу с надгрызенными яблоками, поставленную зачем-то на блюдо с бужениной, отчего вся конструкция с грохотом полетела на пол.

На шум повернулся Пригодько. В отличие от товарища,

сибиряк был еще вполне адекватен, хотя и не очень быстро реагировал на изменения окружающей обстановки. Говоря по-простому, спьяну Захар жутко тормозил, но даже в таком состоянии он не собирался считать себя жертвой воспаленного воображения, поэтому просто поздоровался с прибывшим:

– Бон джорно, Карлович!

Это усилие исчерпало резервы, уцелевшие после ночных возлияний. Голова красноармейца начала неуклонно заваливаться к близкой столешнице. Если бы не товарищ, оживший с приходом гостя, то Захар явно закончил бы утро на столе или под ним.

Костя придержал поплывшего собутыльника.

– А мы тут... пьем, дружище, – констатировал очевидное номинальный хозяин виллы, приглашающе махая новопривышему. – Садись к нам! Давай! Тут есть место.

Улугбек Карлович осуждающе поджал губы, но морализировать не стал и пересел поближе. Костя молча набуравил ученому полный кубок разбавленного спирта:

– Пей!

Сомохов покачал головой и отодвинул от себя посуду.

– Не нравится, – протянул Костя. – Брезгует его благородие, екарны бабай.

Улугбек Карлович вздохнул, взял кубок и отпил половину. Малышев пьяно улыбнулся:

– Вот так... Вот... А то, понимаешь, сам видишь, как бы-

вает, чтобы, значит, если что...

Запутавшись, фотограф умолк. Рядом с ним, придерживаемый под руку, уже сопел Захар.

– Что случилось? – задал очевидный вопрос ученый.

Костя недоуменно поднял голову, как и у красноармейца неудержимо влекомую к столу.

– Как что?! Пьем!

Улугбек Карлович пододвинул к себе блюдо со вчерашней ветчиной, снял подсохший верх и начал отрезать сочную мякоть.

– Это вижу, что пьете. Почему пьете?

Фотограф задумался, машинально вытер руки, потом, вспомнив, подпер голову и задумчиво ответил:

– Нас тут чутка не прирезали... Но... Наверно, прирежут, если останемся... И... Ик! Алессандра от меня уходит...

Сомохов понимающе кивнул:

– Бывает... А из-за чего? Уходит в смысле?..

Слова об угрозе для жизни он всерьез не воспринял, списал их на состояние товарища.

Захар, утративший на секунду поддержку, кулем свалился на лавку и оттуда под стол, но, казалось, Малышев этого даже не заметил.

– Говорит, беременная. Мол, если пойду в поход, то могу и не возвращаться.

Костя налил себе еще. Сомохов какое-то время обдумывал услышанное, а потом последовал его примеру.

Молчание длилось почти минуту.

– А ты располнел, – невпопад заметил ученый, глаза которого привыкли к полумраку занавешенной от солнца террасы.

– Ми-и-и... – Костя снова икнул и похлопал себя по появившемуся пузу. – Мирная жизнь, мать его... Мирная и семейная.

Улугбек Карлович понимающе покачал головой:

– И что надумал делать?

Тот пожал плечами:

– Еще ничего.

Сомохов подождал, не последует ли продолжения сентенции, но товарищ молчал.

– А что собираешься делать?

Фотограф почесал голову, всклокоченную после бессонной ночи.

– Что? Думаю, ехать ли мне с вами или тут остаться. – Он медленно вытер подбородок, задумчиво глотнул из кувшина. – Остаться, снести на фиг эту Геную со всеми их кланами, мать их. Спалить тут все вокруг километра на два, забор поставить и... Ик!... Вот ведь пристало! О чем это я? Ага... – Костя придвинул к себе налитый кубок с водкой. – Забор поставить и жить-поживать, детей наживать.

Сомохов задумчиво посидел, сопереживая нелегкому выбору, потом пододвинул кувшин со спиритусом к себе.

– Ну и... Так остаешься?

Костя еле слышно выдавил:

– Нет... Блин! Не знаю я!!!

Наступило молчание, которое на этот раз затянулось на несколько минут. Компаньоны по очереди вздыхали, пили теплый и выдохшийся напиток собственного производства, ели подсохшие закуски.

– А ты женись! – неожиданно предложил археолог. – Я сам вот все никак не собрался, хотя и годы уже солидные. А тебе можно.

Костя вскинулся:

– А я что?! Чего это так, что мне – женись, а ты – молодой еще? – Он нахмурился. – Вас оставь и...

Улугбек Карлович почесал затылок:

– Моя невеста, сударь, – наука. А вы же – парень молодой, холостой и достаточно привлекательный. Думаю, вам... тебе бы и в той жизни без проблем удалось бы найти спутницу жизни, но если уж Господь спровадил в эту эпоху, то живи... по-человечески! Женись, воспитывай ребенка, мы и сами справимся.

Костя покачал головой:

– Не-а. Предлагаешь друзей кинуть на половине дороги? Это не про меня. Я – за всех... и все на... Тьфу ты!!! За одного то есть... Да если надо... Я...

Археолог не понял:

– Что?

Фотограф отмахнулся:

– Не тупи. Я как выпью, язык заплетается. – Он пихнул сибиряка ногой, отчего Пригодько только недовольно нахмурился, но так и не проснулся. – Вот он и так все понимает, а тебе растолковывать надо.

Улугбек Карлович промолчал.

Костя сидел, пялясь в стену и расчесывая пятерней волосы. Через несколько минут немытые патлы приобрели фантазмагорический вид, напоминая этюды современных парикмахеров.

– А наверно, ты и прав... И женюсь! Не могу разве?! Могу!! И с вами в поход тоже пойду! Она хочет, чтобы я женился и остался. Я хочу быть холостым и уехать. – Он рубанул ребром ладони по столу. – А мы по-честному! Будет Сашке компарами... Тьфу ты! Компромисс! Тем более, что я Иерусалима не видел.

Сомохов осадил:

– Так и не увидишь ведь.

– Как не увижу?! Почему?!

Улугбек Карлович недоуменно посмотрел на собеседника, упорно пытающегося надеть на себя вывернутый наизнанку, заляпанный вином пелиссон.¹²

– Ну это, право, даже в гимназиях знают: Первый крестовый поход закончился разгромом крестоносной армии под стенами Антиохии и, как следствие, вызвал ответный удар

---

¹² Пелиссон – престижная одежда на меху, которую часто поддевали под верхнее платье в холодное время года.

сельджукских армاد по уже захваченным провинциям Византии. Арьергардный крестовый поход потом отбросит мусульман, но и только... Иерусалим возьмут не раньше Третьего похода.

Костя наконец-то напялил на себя парадную одежду успевающего купца и многозначительно глянул на ученого:

– А я всегда как-то помнил, что именно в Первом крестовом Иерусалим и возьмут. – Он задумался, потом тряхнул головой, скривился и начал пинать лежащего Пригодько. – Впрочем, могу и ошибаться.

Он еще раз энергично пихнул храпевшего на полу сибиряка:

– Вставай! Вставай, алконавт!

Через минуту, когда Захар сумел продрать глаза, его оγοрошил несуразный, но понятный приказ:

– Мыться, бриться, умываться! Сменить одежду на парадную! Будешь сватом.

У лавки, на которой, обливаясь водой, приводили себя в порядок загулявшие товарищи, с нахмуренным лицом сидел и осмысливал услышанное археолог. Что бы ни говорил о своей неосведомленности Малышев, но то, что он сказал впопыхах о взятии Иерусалима, сильно задело ученого.

Сватовство пришлось отложить.

Всю ночь сторожевые собаки заходились лаем, а утром у стен виллы дозорные нашли множество следов лошадиных копыт.

Улугбек, узнав подробности недавнего нападения наемных убийц, набросился на друзей с упреками: почему, мол, не поведали ему ничего?! Костя просто послал ученого подальше и ушел отсыпаться куда-то в глубь дома. О событиях четырехдневной давности рассказывал Захар.

Услышав сообщение о том, что они стали целью таинственного клана наемных убийц из Генуи, Сомохов только нахмурился. Надо же было ухитриться за такой короткий промежуток времени нажить себе столько врагов – от государя Германской империи до каких-то откровенных уголовников!

Но что-то предпринять было необходимо, и ученый, вбивший себе в голову идею, что наемникам помогал кто-то из домочадцев, взялся допрашивать прислугу. Никаких зацепок он не нашел, зато поговорил с тем самым стариком флорентийцем, ветераном герцогской гвардии по имени Виченцо. Тот предложил простой и эффективный способ узнать, откуда приходили ночные гости:

– Выпустить лошадей, которых нашли утром после напа-

дения, да и хлестануть их пару раз кнутом. Если уж и тогда они не рванут к дому, то я не знаю...

Совет был дельным. Невзрачные, с затертыми седлами животные походили на тех коняжек, которых содержатели больших постоялых дворов ссужают гостям за умеренную плату. Да и клейма стояли одинаковые.

Шансов немного, но, если эксперимент удастся, можно проследить до того места, где проживали наемники. И где могли оставаться их заказчики.

Так и поступили.

Улугбек и Захар в сопровождении четверых слуг, вооруженных копьями и арбалетами, полдня кружили по окрестностям, следуя за флегматичными лошадками. Они уже собирались плюнуть на все это и держать путь домой, как их бессловесные проводники неожиданно выбрались к маленькому постоялому дворику. Двухэтажное здание почти не просматривалось с дороги, так что оставалось только удивляться тому, как хозяин заведения сводит концы с концами и находит клиентов. По тому, как уверенно и радостно коняжки припустили при виде одиноко стоящего дома, легко было догадаться, что они наконец-то вышли к своей цели.

...Через два часа в двери заведения постучала троица путешественников.

Открыли им сразу. Неряшливая толстая деваха в засаленном переднике зыркнула на гостей недобрым взором, но ука-

зала места у яслей для лошадей, а самих путников провела в дом.

Там эстафету перенял улыбчивый толстячок, хозяин двора. Он извинился за то, что не сможет предоставить гостям ночлега ввиду надвигающейся ночи под крышей дома, но предложил к их услугам сеновал или конюшню. На переполненный постоялый двор не походил, однако спорить никто из путников не стал. Сеновал гостей устроил.

Пока же троица закутанных в шапы путешественников попросила еды попроще и чего-нибудь промочить горло. Хозяин тут же исчез на кухне.

Захар и Улугбек из-под капюшонов осматривали залу. Очаг с потухшими углями, несколько столбов, поддерживающих потолок, грубо сколоченные столы и добротные лавки. В углу троица угрюмых бородачей нехотя бросает кости, изредка переругиваясь вполголоса.

– Послушай, хозяин. – Улугбек Карлович обвел комнату рукой. – Не похоже, что у тебя много путников останавливается. Может, найдешь для нас комнату наверху?

Толстячок вздохнул:

– Вы правы, сеньор. Обычно я рад любому. Однако на нынешнюю неделю грех жаловаться. Все комнаты на втором этаже снял купец из самой Венеции. У него несколько слуг и охранников... Так что, пока сей сеньор не решит здесь свои финансовые вопросы, я не могу вам предложить ничего лучше сеновала.

Хозяин поставил на стол кувшин с вином:

– Это вам от меня.

Сомохов поблагодарил за щедрый жест и спросил:

– Неужели десяток человек заняли все, что есть у вас тут приличного наверху?

Владелец заведения усмехнулся. Видно было, что ему не хватает общения.

– Что вы! Какие десять человек! Там всего-то господин со слугой, пара его помощников и трое охранников. Да вот и они сидят! – Он ткнул пальцем в бородачей, которые все свое внимание уделяли игре, и продолжил: – Да и помощников купец куда-то послал несколько дней назад. Сказал, что скоро приедут обратно. А еще он ожидает друзей из города.

– Из Флоренции?

Толстячок стрельнул глазами в потолок:

– Что вы! Из Генуи!

Он проворно протер столешницу и подлил гостям вина.

– Так что даже не знаю, где я смогу разместить здесь еще кого... Разве что для своих гостей сеньор венецианец уступит одну из снятых им комнат.

Хозяин еще вздохнул, получил от Сомохова монетку и, почесываясь, отправился на кухню проверять, как готовится ужин.

– Ну что делать будем? – Костя откинул капюшон со лба, оставив широкий берет прикрывать лицо своего обладателя от любопытных глаз. Он прискакал из имения только что и

горел желанием разнести тут все в пух и прах.

– Похоже, мы нашли то, что искали, – Улугбек Карлович говорил вполголоса.

– Ну так пошли?

– Нет.

Оба уставились на Захара. Красноармеец редко подавал голос в совещаниях.

– Почему?

Пригодько поправил сверток с «Суоми», лежащий на лавке. Теперь ствол смотрел в сторону лестницы на второй этаж.

– Пускай они идут вниз. Ужинать же им тоже надо. – Он мотнул головой в сторону бранившихся охранников. – Мы ж мимо этих тихо не пройдем. А пока шуметь будем, сверху уйти могут... Не помнишь, как они по потолкам лазают?

Малышев смутился. Сомохов, подумав, согласился с доводами.

К вечеру на дворе послышался стук копыт. Створки дверей распахнулись.

Охранники мигом сбросили с себя расслабленность. Двое подхватили с лавок мечи, один приподнял арбалет.

В залу хлынул гомонящий поток. Разномастно, но доброт-но экипированные, в кольчугах и стеганках, с мечами, луками, арбалетами и копьями, комнату заполнили вооруженные люди, мгновенно оккупировавшие все свободные места за столами. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это – профессионалы, причем не местные. Кто-то не по-

жалел денег на наемников.

Русичей солдаты удачи окидывали оценивающими взглядами, но из-за стола пока не гнали.

Предводитель приехавших двинулся вверх. Видимо, стражники его узнали. Они обменялись парой фраз и вернулись к своему излюбленному занятию.

Вокруг гроыхало оружие, звякала сталь, гудел и матерился разномастный сброд.

То, что им пора уходить, поняли все трое. Против такого количества даже с огнестрельным оружием делать было нечего. Их задавили бы числом. Но уйти им не дали.

– Ба! Какая встреча! – Невысокий крепыш в потертой, мстами рваной кольчуге радостно плюхнулся на лавку. – А я смотрю – вы ли это?

Костя вяло выдавил:

– Здравствуй, Вон Берген.

Швейцарец, бывший их проводником в путешествии через горы Шварцвальда, удовлетворенно хмыкнул:

– Рад! Рад, что вас не порешили в той погоне! Где ваши дамы? – Он поставил в угол свой двуручный меч и оглядел зал. – И этот здоровяк? Тим-о-феи?

Костя постарался остудить радость темпераментного сына гор:

– У них все хорошо.

Слишком много голов уже повернулось на этот разговор. Шум стихал. Наемники присматривались к знакомым своего

товарища.

А тот не унимался:

– А мне никто не верит, когда я про ваши вонючие боевые палки рассказываю. На смех поднимают. – Он придвинул к себе один из кубков и щедро налил туда вина из кувшина. – Может, присоединитесь? Тут Сколари собрал отрядик для одного щедрого господина. Отличные условия! Вам, как помню, деньжата не помешали бы?

За спиной, на лестнице, послышались шаги.

Костя одними губами произнес: «Уходим!» Русичи поднялись под удивленным взглядом Вон Бергена.

– Извини, Штефан. Нам пора!

Пока швейцарец переваривал такое окончание встречи, они почти добрались до двери. За пару шагов до спасительного выхода створки его распахнулись, впуская внутрь еще одного посетителя. Высокий, облаченный в полную кольчугу норманн с окладистой бородой и порубленным в сечах лицом едва не столкнулся со спешившими на выход русичами. За спиной вошедшего человека колыхалась рукоятка сакской секиры. Глаза его встретились с брошенным из-под надвинутого капюшона взглядом Малышева.

Обветренное лицо северянина напряглось. Он остановился, загораживая проход. Шаги за спиной тоже затихли.

– Привет, Олаф!

Костя обернулся на звук. На ступеньках стоял высокий стройный незнакомец, весь завернутый в плащ, с поднятым

капюшоном. Ниже замер предводитель наемников.

«Где-то я уже видел... таких?»

Видимо, это же подумал и Улугбек.

Норманн лениво кивнул на приветствие. Затем перевел взгляд на кондотьера.¹³

– Сколари... – Викинг ткнул пальцем в замерших посреди комнаты русичей. – Пятьсот солидов! Убейте их!

Прежде чем эхо от его слов замерло в комнате, викинг выпрыгнул из дома, захлопнув дверь.

Русичи рванули револьверы, Захар вскинул автомат.

Видимо, для солдат удачи, настроившихся на отдых после путешествия, эти слова были куда большей неожиданностью. Некоторые из них еще только удивленно хлопали глазами, самые шустрые уставились на командира, ожидая реакции. А тот успел лишь схватиться за эфес меча.

На счастье, из множества находившихся в зале арбалетов был взведен только тот, который принадлежал охранникам мнимого купца. А их от русичей загораживало почти полтора десятка спин.

Сомохов взвел револьвер, Захар щелкнул предохранителем.

– Стойте!

Все обернулись на голос.

Вон Берген, подхватив свой двуручник, спешил к прижавшимся к стене русичам.

---

¹³ Кондотьер – предводитель отряда наемников (*итал.*).

– Эти люди спасли мне жизнь! Я не дам их убить!

Смелое заявление для одиночки. Особенно перед лицом четырех десятков головорезов, часть из которых уже схватилась за оружие. Но оказалось, что крик предназначался не им. От массы наемников отделилась четверка бородачей, вооруженных копьями и топориками. Они встали за спиной швейцарца. Вспомнились слова Вон Бергена о том, что он попырует сбить свой хирд, наемный отряд. Немного же у него набралось бойцов...

Костя направил ствол револьвера на предводителя остальных солдат удачи. Даже если Сколари и догадывался о роли стальной рогульки, зажатой в руках Малышева, то вида он не подал. Кондотьер окинул взглядом свое воинство, оценил сбившихся плечом к плечу русичей, ошетилившихся копьями швейцарцев и коротко бросил через стиснутые губы:

– *Avanti!*¹⁴

Малышев спустил курок. Рядом грохнул револьвер Сомохова. Застрекотал автомат Захара. Тесную комнату наполнили клубы дыма, мешавшие прицельной стрельбе.

Выбив тех, кто был поближе, русичи немного разошлись. Захар ударом ноги опрокинул стол и, используя его как прикрытие, поливал свинцом рвущихся к ним со стороны кухни кондотьеров. Те, осознав губительность огнестрельного оружия, старались не высовываться под пули и использовали любое прикрытие – от столов до выломанной двери.

---

¹⁴ Вперед! (*итал.*)

Другую сторону комнаты заняла схватка швейцарцев с четырьмя широченными сицилийцами, вооруженными секирами. В первой же атаке викинги зарубили двоих из малочисленной дружины Вон Бергена и прижали его самого к стене.

Малышев выстрелом снес голову одному из здоровяков, но не смог продолжить это доброе дело. Из дыма на него самого уже неслись охотники срубить серебра по-быстрому.

Сомохов методично, как в тире, расстрелял свой револьвер и поднял с пола чей-то меч. Рядом охнул Пригодько. Пущенный охранниками арбалетный болт вошел над его локтем, приколотив диск «Суоми» к полотну стола. Захар ухватился на секиру.

Малышев сэкономил выстрелы. Десятизарядный «Смит и Вессон» – хорошая штука. Но и он продержался немногим дольше. Когда боек сухо щелкнул, оставалось только последовать примеру товарищей – искать какую-нибудь железяку на полу, среди горы трупов. На то, чтобы перезарядить оружие, времени не было.

Шанс у них оставался. После свинцовой мясорубки врагов стало намного меньше. Правда, и у них хватало потерь. Из пятерых швейцарцев на ногах остался только Штефан. Его кольчуга была залита кровью, а у ног горца лежали тела двух зарубленных им сицилийцев. Сам бывший проводник смело наседали на последнего из противников. Длинный меч в его руках замирал в воздухе, скользил вперед и вбок, падал и

взлетал, пока хозяин со звериной ловкостью крутился и приседал, нырял и отпрыгивал. Под яростным натиском викинг отступал, парируя смертельные выпады лезвием секиры.

Малышев схватился за кошель. Может, удастся перезарядить «Смит и Вессон»? Но тут из дыма на них бросились сразу двое. Высокий гибкий воин в стеганке навалился на Сомохова, обрушив на ученого град ударов длинного тонкого меча. Второй, коротышка в яркой рубаше, атаковал Костю.

Первый выпад короткого копья Малышев отбил легко. Второй удар он принял на клинок, одновременно от души врезав противнику по ноге. Взвыл Костя – кожаный башмак попал в железный наколенник.

Враг даже успел ухмыльнуться, делая выпад... И рухнул с перерубленной шеей. Вторым ударом подлетевший Захар снес голову мечнику. Тяжеленная секира в его руках смотрелась игрушечной.

Из дыма выскочило еще двое наемников. Справа захрипел последний сицилиец. Вон Берген сполна рассчитался за своих сородичей. К паре противников подоспели еще двое. У всех в руках – мечи и кинжалы. Щиты эти ребята оставили снаружи, на седлах.

Малышев облизнул сухие губы. От дыма «Суоми» першило в горле и резало в глазах.

Наемники атаковали первыми. Один прыгнул к ученому, второй на Захара и двое – к швейцарцу, уже подымавшему свой страшный двуручник.

– Сзади!

Костя едва успел обернуться. Из открытой двери на него летел тот самый норманн, отдавший приказ о нападении. Лицо его искажала гримаса ярости, борода всколотилась, белки глаз, казалось, вращались.

Удар! Еще один! Лезвие секиры свистнуло у самого бока, ободрав полы накидки-плаща.

Костя сделал выпад, но противник прогнулся вбок, как настоящий гимнаст. В лицо русича врезался набалдашник древка. Как враг умудрился нанести удар, Малышев не понял.

Русич отлетел на пару метров и рухнул на пол. Олаф шагнул вперед, занося секиру над головой. Но добить не успел. Сбоку в бой шагнул Вон Берген. С лезвия двуручника капала свежая кровь. На предыдущего врага швейцарец потратил всего несколько мгновений. Фигура горца дышала уверенностью. Скандинав повернулся к новому противнику.

Как часто бывает у опытных бойцов, каждый мгновенно понял, что соперник ему попался достойный. Оба поединщика закружили по комнате, один – выбирая хваты на длинной рукоятке, второй – поигрывая своим клинком.

Вон Берген атаковал первым. Меч завис на долю секунды и ринулся вперед. Варяг ушел с линии атаки, занося над головой секиру, но лезвие меча тоже поменяло направление. Горец крутанулся вдоль пола, сталь послушно скользнула следом, прочертив на кожаной куртке скандинава первую

прореху. Хрустнула, расходясь, кожа куртки, звякнули, разлетаясь, колечки доспеха под ней.

Олаф ударил сверху. Секира рухнула с высоты, лезвие ее вспоролو воздух и... замерло в ладони от пола на том месте, где только что стоял мечник. Но атака не остановилась ни на мгновение. Длинное древко скользнуло в перчатке, обух устремился вперед, метя в коленку противника.

Штефан отшагнул, а викинг уже рвал секиру вверх, как рыбаки выдергивают удочку с богатой добычей. Одновременно древко провернулось в ладонях, выворачивая лезвие острием вверх. Сверкающая молния ударила точно в локоть швейцарца... и отхватила руку. Нечеловеческий рев разорвал комнату.

Вторым движением викинг всадил секиру в грудь швейцарца. Удар! Крик затих. Схватка заняла не больше десяти секунд.

Не давая норманну выдернуть оружие, Захар, буквально вколовивший своего противника в пол, бросился на скандинава. Встречный тычок ноги в живот, и красноармеец полетел обратно.

Исходящий яростью, забрызганный кровью Олаф повернулся к остальным русичам. Костя вскинул меч. Время начало замедляться. Вот пошло вверх лезвие секиры. Капля крови, сорвавшись, зависла в воздухе...

...Сухо щелкнул револьверный выстрел над головой Малышева. Викинга отбросило к стене. С его плеча посыпались

перебитые кольца.

– Перезаряжать... – Еще два выстрела. Пара наемников, так же, как и Костя, замерших и следивших за поединком, полетела на пол. – А не смотреть!

Улугбек Карлович вскинул револьвер. Еще две пули умчались куда-то в сторону лестницы. Археолог развернулся, желая, наверное, еще разок угостить викинга, но того и след простыл. Костя склонился над Захаром:

– Ты как?

Тот дышал широко открытым ртом:

– Как... кобыла... копытом... лягнула.

Малышев торопливо перезаряжал свой «Смит и Вессон».

Но противников не осталось. Только трупы и стонущие раненые. Этот бой они выиграли.

Сомохов рванул к лестнице.

– Куда?

Ученый не ответил. Он взбежал по ступеням, нагнулся над трупом высокого незнакомца, замотанного в плащ, откинул капюшон. На Улугбека Карловича глянули широко посаженные глаза с громадными черными зрачками. Уши убитого были слегка заострены кверху. Длинные черные волосы засалены.

Сбоку подошел, пошатываясь, Костя. Он поддерживал Захара, который стонал, держась за бок. Все уставились на остывающее тело.

Из кухни на трясущихся ногах выбрался хозяин заведе-

ния. Его позеленевшая физиономия была куда красноречивей слов.

– Это и есть купец из Венеции? – Улугбек Карлович ткнул мечом труп.

Толстячок кивнул и тут же согнулся в приступе рвоты.

Костя прохрипел:

– Почему-то меня это не удивляет.

Захар попробовал сплюнуть и не смог. Только сморщился от боли.

– Посмотри, как там Штефан.

Костя нагнулся к телу швейцарца. В остекленевших глазах мастера меча было только изумление... Последнее изумление...

Малышев покачал головой. Все поняли.

– Блин!..

Захар вытер лезвие трофейной секиры. Рядом присел запыхавшийся Сомохов.

У дальней стены двое наименее пострадавших наемников вытаскивали через черный ход одного из своих тяжелораненых товарищей. Их никто не трогал.

Через пару минут в комнате кроме русичей остались лишь трупы и умирающие.

2002 год. Вблизи Ладожского озера

Вдалеке ухнула какая-то большая птица. Девушка испуганно вжала голову в плечи и подвинулась к брату, сидящему у костра. Она часто выбиралась в лес с семьей, друзьями, приятелями по школе, но это всегда был свой, знакомый лес. Если там и встречались медведи, то, уж конечно, они были цивилизованными, если попадались волки, то это были образованные животные с непременными радиомаячками, которые хорошо знали человеческую натуру.

В принципе, если подумать здраво, то бояться здесь было нечего. Все-таки европейская страна, Финляндия рядом. Но у нее нехорошо сжималось внутри, когда за пределами светлого круга от небольшого костра принимались ухать, ахать и вскрикивать почти по-человечески незнакомые твари ночного мира.

Кати поморщилась. Надо же, а братец-то и в ус не дует! Сидит спокойненько и что-то рассматривает на карте. Знать хотя бы, что именно! Может, легче бы стало.

– Долго еще нам комаров здесь кормить? – не удержалась она.

Средства от насекомых, прихваченные из Канады, отлично справлялись со своими обязанностями, но Кати не могла

не уколоть человека, ответственного за то, что она оказалась в глухих лесах, на самом краю вселенной.

Брат проигнорировал вопрос, и девушке пришлось переключить все свое внимание на приготовление пищи, которая между тем вовсе и не желала готовиться. Сверху мясо вроде бы обжарилось, даже почернело, а вот внутри оно явно было сырым.

Когда Кати поняла, что безнадежно спалила то, что должно было служить ей ужином, ее настроение, и без того не самое приподнятое, окончательно покатилося вниз. Назревал скандал.

Кати оглянулась вокруг. Ей хотелось есть и ругаться – весьма ядовитая смесь.

Торвал молча протянул сестре тарелку с обуглившейся свининой и макаронами. Девушка демонстративно отвернулась – есть такое можно только животным.

На глаза Кати против ее воли начали набегать слезинки. Ну-ну! Не хватало еще и разреветься!

Когда Торвал опять протянул ей тарелку, девушка, хлюпающая носом, уже не ерепенилась и молча начала уплетать за обе щеки то, что сама приготовила. Уже через двадцать минут окрестности предстали перед нею в новом, не таком неприятном свете, гул комаров не раздражал, а костер придавал происходящему даже некую толику романтики. В конце концов, всегда можно сказать, что лето она провела в туристических походах в Европе, не конкретизируя, где имен-

но!

Брат закончил разбирать свои записи, еще раз сверился с картой и уверенно указал рукой в ту сторону, где находился небольшой скальный массив. От места их стоянки до него было не больше полутора миль.

– Завтра туда пойдем. Дед говорил, что он оттуда пришел.

Кати вздрогнула:

– А не про это ли место тебе плели, что оно нехорошее?

Торвал легкомысленно усмехнулся:

– Вроде про это.

– А может, не надо туда ходить, а? – Она доверительно заглянула в глаза брата. – Давай, например, у реки поищем?

Девушка ткнула в сторону, где, как она знала, находилась тропа любителей водного экстрима. Вчера именно туда ушла большая часть группы западноевропейских туристов, там же желала сейчас быть и Кати. Брат отрицательно помотал головой и начал расправлять спальник.

Девушка вздохнула. До чего все-таки несправедливая штука жизнь!

Глава 2

Начало пути

У Алексея не было времени отдохнуть, потому как до него дошел слух о приближении неисчислимых франкских войск. Он страшился их появления, ибо хорошо знал неудержимость их натиска, их переменчивый и непостоянный характер, как и все, что было в природе кельтов, и все, что из нее вытекает; он знал, что они всегда готовы поживиться богатствами и что при первой же возможности они готовы без зазрения совести нарушить свои договоры. Тем не менее басилевс не терял мужества и принял все меры, чтобы подготовиться к сражению, если того потребуют обстоятельства. Действительность оказалась гораздо страшнее слухов. Ибо весь Запад, все варварские народы, живущие в странах, которые расположены по ту сторону Адриатики и до Геркулесовых Столпов, все те, кто кочевали большими толпами вместе со всей семьей, перейдя Европу, шли по Азии... Появлению такого количества людей предшествовал налет саранчи, которая пощадил урожаи, но разорила все виноградники, истребив их. Это был знак, как предсказали прорицатели, что огромная кельтская армия не будет вмешиваться в дела христиан, но

1

Басилевс поморщился, когда дверь за неожиданными друзьями Империи закрылась. В последнее время он нечасто мог позволить себе быть прилюдно кем-то недовольным.

– Ну почему они считают вонь признаком праведности? – посетовал самодержец.

Советник, стоявший у правого плеча императора, лишь пожал плечами в ответ на этот риторический вопрос. Все страдают от немытых детей Запада, не только император.

Из приемной залы только что ушли послы Готфрида, герцога Лотарингского.

...Когда до самодержца дошли вести о том, что у западных границ земель угров замечено новое войско, басилевс решил, что это один из отрядов Боэмунда Тарентского, давнего врага Константинополя. Даже когда принеслись гонцы с сообщением, что идет несметная армия германцев во главе с одним из герцогов германского императора, которую папа Урбан обещал им, Алексей все еще не верил, что это и есть долгожданная помощь. Ведь были уже толпы оборванцев с вилами, остатки которых удобрили все земли в окрестностях Никеи?! Неужели еще?

Тем больше был восторг сановников, когда шпионы начали доносить о размерах подступающего войска. И тем больше был их ужас, когда стало известно, что приближающиеся к Империи сто тысяч германцев всего лишь четвертая часть папского войска.

Что делать? Как удержать в узде бесчисленное множество полуголых франков и лангобардов¹⁵, способных при виде богатств столицы Восточной империи потерять и голову и желание идти в далекую Святую землю?

Императору казалось, что он придумал отличный способ добиться своего. Опыт и знания все еще играют важную роль в этом мире. Но проверить план в действии можно было лишь после прибытия франков, и Алексей приготовился ждать осени 1096 года, когда оказалось, что фортуна еще способна преподносить сюрпризы и тем, кто думает, что управляет ею.

В Константинополь прибыл брат короля Франции Гуго де Вермандуа. Первоначально планировалось, что один из самых знатных людей, принявших крест из рук Урбана Второго, самолично возглавит франкское войско. Сам Гуго был в этом абсолютно уверен. И сильно разочаровался, когда ему предложили быть лишь первым среди равных. Ни Роберт Кортконогий, граф Норманнский, брат короля Англии и сын Вильгельма Завоевателя, ни Стефан Блуаский, его шурин и богатейший феодал Франции, чьи владения превосходили

---

¹⁵ Лангобарды – здесь: норманны, осевшие в Сицилии.

домен французского короля, не желали видеть над собой самовлюбленного брата Филиппа Первого. Такого гордый Гуго стерпеть не смог. Он разругался с соперниками и отбыл со своими рыцарями в Италию, откуда морским путем думал достичь Босфора.

Судьба выступила против заносчивого отпрыска французского королевского дома. Шторм уничтожил большую часть кораблей с его армией, а он сам спасся только чудом. Вермандуа, выброшенный на берег вместе с несколькими рыцарями, был взят под арест и отправлен в столицу.

Там его встретили распростертые объятия Алексея Первого.

Опытный интриган, политик, получивший навыки ведения переговоров и убеждения из рук последних сохранившихся мастеров этого искусства, басилевс сумел за несколько дней сделать из самодура Гуго своего первейшего помощника. Играл он на том, что и его многочисленные предшественники: зависть, жадность, лесть – все это сделало из заносчивого и напыщенного гостя Восточной империи его первейшего друга. Алексей принял де Вермандуа как равного себе, что, конечно, польстило потрепанному и растерявшему свиту и армию Гуго. Величайший монарх видел в нем такого же могущественного государя, значит, все не так плохо! Французу отвели покои во дворце басилевса, осыпали лестью и сокровищами так, что, когда Алексей попросил у «видного военачальника Запада» клятву верности Империи,

Гуго не смог отказаться.

Император хотел, чтобы земли, отвоеванные католиками у неверных, были возвращены в лоно Византии. На словах басилевс пообещал графу, что потом он обязательно вернет их такому мудрому и талантливому полководцу, как де Вермандуа. Вернет в качестве лена, но на особых условиях, так что управление Империи будет только номинальным, а права Гуго – фактически суверенными.

Слова в устах византийца способны были творить чудеса. Особенно вкупе с золочеными кроватями, стоящими в покоех, отведенных Вермандуа, красавицами невольницами и сундуками, полными золота и драгоценной посуды. В результате тот человек, который еще полгода назад отказался поступиться главенством в походе, предпринимаемом во имя Господа, с радостью принес вассальную клятву. Начало было положено. Пример для заносчивых франкских графов.

С Готфридом Бульонским, герцогом Нижней Лотарингии, руководителем первого из приближающихся к Константинополю крестоносных ополчений, ситуация была другая. Готфрид, как и все германцы, был дисциплинирован, имел свои понятия о чести, верности и вообще о том, как должны себя вести христианские воины, и во всем поступал в соответствии со своим кодексом чести. В отличие от предводителей крестоносных голодранцев, бесславно потерявших половину армии под копытами коней угров, немец заключил договор с венгерским королем Коломаном о проходе через его земли

и до границ Византии дошел практически без потерь.

Послы Алексея встретили лотарингца у западных окраин Империи и попробовали с ходу провернуть ту же самую комбинацию, которая так удачно прошла с братом французского короля. Но германец оказался человеком, слепленным из совершенно другого теста. Активные и трудные переговоры под Белградом окончились только тем, что Готфрид дал обещание не трогать жителей Империи и их дома. Еще граф Бульонский пообещал защищать земли и имущество жителей Византии на протяжении всего своего пути по территории Империи в обмен на обещание снабжать сотысячное войско продовольствием.

Готфрид следил за выполнением этого соглашения, так что договор строго соблюдался до берегов Мраморного моря. Но и на старуху бывает проруха. Немецкая армия все-таки осадила и разграбила город Селимбрию¹⁶. Германский полководец заявил, что он предпринял этот шаг в ответ на хамские действия местных жителей, которые дошли до того, что с оружием в руках нападали на его солдат. Сути события такие отговорки не меняли. К воротам столицы двигалось войско, практически равное по силам армии Империи. Все это не могло не усилить опасения самодержца по отношению к латинянам.

Как только войска лотарингца подошли к Константинополю, в ход пошло все, что помогало грекам решать проблемы

---

¹⁶ Селимбрия – нынешняя Селиврия.

с соседями в течение столетий: золото, подарки и титулы для военачальников в обмен на клятву верно служить Империи. Не причинять вреда, а именно служить... И здесь басилевса ждало первое разочарование.

Готфрид был глубоко верующим человеком. Приняв крест, он распродал многое из своего имущества, поставив на поход в Святую землю буквально все. От вассальной клятвы басилевсу немец отказался. Он заявил, что является вассалом германского императора и никого более, его цель – Иерусалим и ничего более. Тот, кто встанет на этом пути, станет его врагом, врагом его армии, и никаких других вариантов! Простая политика варвара, не обремененная вариантами развития событий.

Алексею понадобилось все искусство убеждения, чтобы переломить волю упрямого германца.

Для создания нужной атмосферы сотрудничества крестоносцам перестали поставлять продовольствие. Запасы еды быстро подходили к концу, в лагере начался голод. Это, да еще и погода, которая в декабре радовала всех мокрым снегом, градом и пронизывающим ветром, дующим с Босфора, рано или поздно должно было свалить неприступную башню германской гордыни. Но немцы тоже показали зубы. Если византийцы перестали привозить в лагерь продовольствие, то его приходилось брать самим. Лотарингцы совершили несколько смелых рейдов по окрестностям, попробовали взять городскую башню и ворота. Получив отпор от за-

года приведенных к лагерю наемных половецких отрядов, забрасывающих пехоту сотнями стрел, и ромейской пехоты, перекрывшей все подходы к Константинополю, немцы вернулись обратно в лагерь.

Началось противостояние, которое с течением времени не несло ничего хорошего басилевсу. Лангобарды Боэмунда уже высадились в Валоне¹⁷ и ускоренным маршем двигались на воссоединение с германцами. Получить две боеспособные армии под свои стены не входило в планы императора.

Алексей совершает хитрый маневр. Напасть на немцев ему нельзя, это ожесточит всех остальных крестоносцев. Но зато можно спровоцировать самих лотарингцев! Он мирится с Готфридом, возобновляет снабжение лагеря продовольствием, даже переправляет всю армию в более приятную по климату Галату. И убирает войска подальше от германцев...

Граф Бульонский, решив, что уступчивость императора связана с его слабостью, под давлением своих военачальников, почуявших большой куш, идет ва-банк. Устав от фактически осадного положения в дружеской стране, немцы переходят в наступление. Они сжигают свой новый лагерь, снова переходят бухту Золотой Рог и становятся лагерем напротив земляных крепостных валов. Солдатня рвется в город, чьи золотые купола храмов дразнят и привыкших к роскоши рыцарей и полководцев.

Начинаются стычки, локальные схватки небольших отря-

---

¹⁷ Валон – нынешняя Албания.

дов. И тогда император показывает уже не зубки, а всю оскаленную пасть. От земляных валов лотарингцев отбрасывает элитная варангская¹⁸ дружина и лучники под руководством Никифора Вриенния, дикие половцы устраивают карусель вокруг редкого частокола укрепленного лагеря крестоносцев, осыпая стены и лагерь уже тысячами стрел. С тыла подходят ровные квадраты бронированной пехоты, редкие места, где можно пустить коня в галоп, занимают отряды катафрактариев¹⁹, чей грозный вид заставляет не спешить к лошадям даже седоусых рыцарей-ветеранов. Ощетинившаяся копьями пехота под прикрытием щитов пелтастов²⁰ отражает редкие вылазки. Над немецкой армией, зажатой между городом и проливом, нависла реальная угроза окончания похода, и Готфрид Бульонский скрепя сердце идет на соглашение с базилевсом.

В качестве утешения гордости ему напоминают, что его цель – Иерусалим, потому до бывших ромейских земель лотарингцу нет дела. Полководец приносит клятву, что все земли и крепости, отвоеванные у мусульман и до этого принадлежавшие Византии, будут передаваться военачальнику,

---

¹⁸ Варанги – они же «варяги», элитная часть гвардии базилевса, до недавнего от описываемых в книге событий времени набираемая почти исключительно из норманнов, приходивших ко двору из Русских земель. После того как пьяные «русские» варанги устроили разгром императорского дворца в 1086 году, приоритет при наборе сместился в сторону шотландцев и саксонцев.

¹⁹ Катафрактарии – вид тяжелой византийской конницы.

²⁰ Пелтасты – легкая греческая пехота.

назначенному базилевсом.

Алексей доволен. Как только под письменной клятвой немца появилась золотая печать императора и пурпурные чернила подписи Комнина скрепили слова присяги, Готфрид был приглашен на пир, где его провозгласили сотрапезником императора, личным гостем и другом базилевса и прочая. Насупленного герцога осыпали дарами, золотом и лестью, после чего опять переправили вместе со всем войском через пролив, где он должен был дожидаться остальных в имперских укреплениях у Пелекана.

Всего этого «полочане» не увидели.

Их судно пришло в порт Константинополя через два дня после того, как все немцы благополучно переправились через Босфор.

Галера приткнулась боком к соломенным тюкам, защищающим бока приплывающих судов от удара о деревянные мостки пристани. Расторопный паренек на пирсе подхватил брошенную пеньковую веревку, споро закрутил ее вокруг причального столба и потрусил к корме судна. По центру борта в это время моряки перебрасывали на причал мостки из тесаных брусков, скрепленных добрыми железными хомутами и перевязанных накрест все той же пенькой. Вережка нужна была для того, чтобы на качающемся проходе к твердой земле у грузчиков не скользили ноги. Впрочем, в заливе качка была минимальной.

– Здорово! – приветствовал паренька капитан судна, но тот только кивнул, убедился, что и кормовой канат привязан крепко, и сиганул по настилу к выходу.

Капитан сконфузился: с простым портовым здороваются как с равным, а он нос воротит и сбегает?! Но разродиться уже закипающим в груди гневом шкиперу не дали – со стороны портовой мытни спешила процессия.

Когда греческие таможенники ступили на уложенные и накрепко прикрученные мостки, капитан галеры все-таки не удержался от вопроса:

– Пострел местный убежал отсюда, как осой ужаленный. Что-то случилось? Да и в порту так безлюдно, что я уже по-

думал, может, праздник какой сегодня?

Таможенник посмотрел на него как на больного.

– Да ладно, Михайло, я ж с рейса, отстал от жизни, – оправдался дремучестью капитан, и усатый грузный писарь мытной императорской службы сжалился над любопытным моряком:

– Так лангобарды нонче к воротам подходят. Два дня прошло, как мы германцев через Рог переправили, так теперь новая напасть на столицу свалилась. Говорят, идут и идут, и нет им конца!

Таможенник оценивающе окинул взглядом закрепленные на палубе товары и, подняв стило и маленькую глиняную табличку для отметок, скушающим голосом поинтересовался:

– Так что там у тебя? Много привез?

Выражение лица капитана резко поменялось.

– Да какие товары?! Только и живу тем, что паломников переправляю в престольную! С такими оборотами скоро по миру пойду.

Шкипер судна горестно вздохнул, поправил не вмещающийся в косоворотку живот и углубился в привычный для обоих мир процентов, льгот, сборов и податей.

Для стоявших в отдалении от трапа четверых путешественников это стало абсолютно неинтересно.

– Опоздали, – удрученно прокомментировал услышанное Улугбек Карлович.

– Куда? – не понял Захар.

– Опоздали к началу переговоров, – уточнил ученый и махнул рукой матросам. Те дружно взялись за сундуки пассажиров.

Тимофею Михайловичу и Малышеву было не до того. Рыцарь присматривал за тем, как выводят из импровизированного стойла его красавца-коня, а Костя командовал выгрузкой из трюма завернутого в холстину ствола новой пушки. По аналогии с «Евой» этот продукт мозговой атаки выходцев из двадцатого века получил звучное имя «Адам».

Помогали фотографу не только моряки, но еще и четверо лучников, принятых в компанию за прокорм и вещевое довольствие. Кроме стрелков с ними теперь были еще два конных копейщика и арбалетчик. Рыцарь Тимо взял их в свой отряд для придания самому себе веса в глазах окружающих.

Советник папского легата не мог позволить себе явиться к месту сбора в одиночку. Конечно, лучше было бы, если бы за ним шел целый отряд из трех-четырех рыцарей и пяти десятков пехотинцев, но даже дюжина человек уже не так плохо. От желающих присоединиться к ним не было отбоя, практически весь простой люд возжелал примерить к себе

титул освободителей Гроба Господня, так что претенденты на участие в походе выдерживали строгий отбор.

В результате лучниками стали четверо выходцев из далекого от Италии Уэльса. Ходри, Бэл, Рис и Гарет были разного возраста и достатка, но всех четверых объединяло потрясающее владение своими длинными луками из дорогого испанского тиса. Наемники, немало пошлявшиеся по свету после изгнания из собственных земель норманнами-завоевателями, искали себе новое пристанище и службу, когда их застал передаваемый монахами призыв Святого престола. Возможность сделать богоугодное дело и отпустить себе все накопленные за жизнь грехи сразу поставила их в первые ряды зарождающегося крестоносного воинства, а слух о том, что местный рыцарь, известный при дворе самого Урбана, набирает отряд, определил и их дальнейшую судьбу.

Оба конных копейщика были из лангобардов, норманнов короля Сицилии Робера Гюискара. Чем они прогневили своего бывшего сюзерена, бородачи не рассказывали, но здорово рубились в конном и в пешем строю и получили приглашение в дружину рыцаря по праву. Звали их Трондт и Эйрик.

Арбалетчик Салваторе по кличке Чуча пристал к ним случайно. Тимофей Михайлович хотел подыскать себе еще пару добрых мечников, но, увидев в деле маленького генуэзца, сделал выбор в пользу последнего. Чуча вколачивал арбалетный болт в цель размером с кулак на расстоянии в пятьдесят

шагов, а с двух сотен запросто попадал в умбон щита, подвешенный на веревке. Валлийцы тоже были парни не промах, каждый из них мог держать в воздухе по четыре-пять стрел одновременно, но генуэзец брал невероятной меткостью, всаживая болт за болтом в предложенные ему мишени.

Боевую силу отряда дополняли сразу два оруженосца, Захар и Костя, оба в кольчугах, ничем не уступающих рыцарской, и с винтовками за плечами. При них был тот самый паренек-дружинник, который приносил в осажденный замок из Ги приказ баронессы. Звали его Давид, но сам он предпочитал отзываться на кличку Пипо.

В состав отряда также входил Тони, слуга рыцаря, толстый и ленивый, но отменно готовящий еду из всего, что было под руками, и двое слуг Малышева, Марко и Антонио. Костя тренировал из них расчет для «Адама». Оба при случае могли выдержать и рукопашный бой.

На то, чтобы вся эта орава была экипирована и отправлена в путешествие к берегам Босфора, требовались серьезные по местным меркам деньги. Надо было платить за морскую перевозку, за питание, оружие, лошадей и припасы. На все денег не хватало. Выручило «полочан» то же самое событие, которое и отсрочило их поездку: Костя женился.

По сути, его женитьба для компаньонов была единственным выходом из сложившейся ситуации. Когда Улугбек Карлович подсчитал, сколько серебра требуется, чтобы участвовать в крестовом походе, выяснилось, что наличных яв-

но недостаточно. Необходимо было продавать и дело, начавшее давать неплохой доход, и саму виллу «Золотая горка», так удачно приобретенную совсем недавно, да еще занимать под проценты. Теоретически они смогли бы выкрутиться... Только покупателей не наблюдалось. Крестовая истерия, захлестнувшая Европу, требовала массу золота, а население было разорено предыдущими неурожайными годами, так что людей, способных выложить пару тысяч солидов, осталось в округе совсем мало. И одной из них была новая пассия Кости, так удачно выдвинувшая ультиматум своему любовнику. Возможно, Костя и сам бы решился сделать предложение. Все-таки у Алессандры были все те качества, которые он ценил в противоположном поле: ум, красота, такт, но сложившаяся ситуация серьезно ускорило то, к чему он и сам шел неспешным шагом.

Его предложение руки и сердца было благосклонно принято вдовой Кевольяри, и теперь на поклонение Гробу Господню шел уже не холостой охламон, а семьянин и преуспевающий купец. Алессандра, сменившая фамилию на Малиньи, – фамилия Малышев была слишком чужда для итальянского уха – ссудила их отряд из собственных средств, благо и доставшаяся ей в наследство торговля, и производство новоприобретенного мужа и его компаньонов давали стабильный и немалый доход. По уходе в паломничество все активы семьи брались под охрану Католической церковью, так что Косте не надо было волноваться за то, что в его отсутствие

кто-нибудь обидит его молодую супругу или навредит делу. Свадьба была большой даже по местным меркам. Гуляли всем селением почти три дня и еще неделю избавлялись от наехавших на праздник дальних родственников молодой жены. Если сюда еще добавить две недели подготовки с выборами яств, рассылкой приглашений, покупками и получением благословений, да посчитать две недели, потраченные на решения юридических дел, появившихся после венчания (один брачный контракт занял три дня согласований и учета имущества супругов), то получилось то, что и получилось. «Полочане» опоздали с выходом и явились в Константинополь, когда первое из Христовых воинств уже благополучно переправилось на мусульманскую сторону.

Костя был хмур всю дорогу.

– Олаф, сколько еще я буду слушать твои оправдания? – будничным тоном, которым был задан вопрос, не обманул ни говорившего, ни слушавшего.

Топчущийся у входа высоченный увалень в кольчуге и с длинной секирой за спиной угрюмо молчал, так что вопрошающему пришлось отвечать самому на поставленный вопрос:

– Видимо, ты ожидаешь, что терпение богини безгранично?! – Маленький сутулый человечек преклонных годов в белом хитоне недовольно заерзал в высоком кресле. – Что значит: мне нужен десяток капиларов?! У нас их сколько, потвоему? Сотни?!

Бородач посмел подать голос:

– Я подумал... Хватит и четырех.

Человечек схватился за голову в притворном гневе:

– Он подумал! Подумал! Когда он должен искать способы для устранения собственных ошибок, он начинает думать! – Старичок опять подпрыгнул. – Не будь у тебя таких заслуг перед храмом, ты бы уже чистил нужники! Особенно после безобразно дорогого похода в Гардарику, что вы предприняли на пару с этим безмозглым Пионием!!

Бородач процедил сквозь зубы:

– Пионий мертв...

Старичок буквально забрызгал слюной:

– Да! Зато ты жив! А должен быть там же, где и твой не в меру ретивый хозяин! Уложить двух капиларов, потратить кучу золота, отправить на свидание с Лучезарным прорву народа и не выполнить дело, которое мог бы закончить и ребенок!

Олаф молчал. Старичок понемногу отходил и уже более спокойно спросил:

– Что там вы предприняли нового?

Норманн пожал плечами.

– После того как всех наших в Милане разогнали, – он замялся, подбирая нужные слова, – мы потеряли их из виду. Миланского архиепископа, когда он явился в курию, заперли в монастырь, где без новой порции он умер через две недели. Таким образом, мы потеряли все выходы и на нашу сеть в Ломбардии. Пришлось заново отыскивать их следы, достопочтимый галла.

Тапур²¹ верховного храма Архви махнул рукой. Все это он уже слышал.

Бородач продолжил:

– Когда мне передали приказ заняться этим делом, я был еще в германских землях. Путь до Италии неблизок, затем я искал наших и тех, кто видел *макери*.

Жрец уже нетерпеливо махнул рукой: не тяни, мол.

– Мы вышли на них, досточтимый.

---

²¹ Тапур – звание высшего церковного руководства в храмах Шумерии.

Тапур удивленно поднял брови:

– Что значит вышли?! Мне... богине нужны их головы, а не сведения о том, где именно они проживают в свое удовольствие!

Олаф ощерился:

– Если с ними не справились капилары и мастер, то действовать грубой силой я посчитал неправильным. По-крайней мере, с нашими людьми. – Увидев зарождающийся гнев на лице собеседника, он поправился: – Но я все-таки нанял головорезов из местной швали... Наемников всех истребили. Так получилось, что рыцарь, самый опасный из них, ехал вместе с бальи одного барона. Там погиб один из младших посвященных. После этого мы попробовали напасть на этого *макери* ночью на постоялом дворе, но и там получили отпор. Тогда Мисаил предложил попробовать отравить кого-нибудь из остальных, однако и тут случилась неудача. Наши люди, посланные с этими целями, исчезали. Только вера в богиню хранила нас. Аиэллу и я наняли отряд головорезов, лучших в своем деле, но... погибли и они. А потом сами *макери* напали на нас. Я – единственный, кто остался в живых. Аиэллу погиб именно там... Больше я ничего не успел предпринять, все враги богини уехали из Флоренции... в Константинополь... Как я понял из донесений, там их уже ждут наши люди.

Волнуясь, Олаф начинал слегка заикаться. Собеседник его сидел заметно нахмурившись.

– Что-то мне не нравятся ваши неудачи, Олаф. Особенно в таком простом деле.

Олаф поклонился:

– Люди, которые не боятся наговоров древних и способны увидеть, да что там увидеть – убить капилара, – не самые простые враги, досточтимый. Мы делаем все, что только можем. Как только они объявятся в Византии, у нас будет больше возможностей. Там у нас и людей больше, и нет давления Церкви, как во Флоренции или в Ломбардии.

Жрец задумчиво потерял края накидки, устроился поудобней и негромко произнес:

– У тебя больше не будет шансов на ошибку. Мне не нужны враги богини в пределах эмирата. Не для того мы налаживали здесь все, чтобы бояться шороха за окном.

Он перевел взгляд на Олафа, замершего у входа.

– Впрочем, я помогу тебе. Я дам тебе троянского коня, чтобы покорить эту крепость... И горе вам, если и в этот раз тебя постигнет неудача!

Жрец усмехнулся чему-то понятному только ему одному и откинулся на спинку кресла. Олаф согласно склонил голову, в боку заныла старая рана. Ему оставалось только повиноваться.

Истерия, захлестнувшая предместья Константинополя, не могла не передаться и новоявленным гостям столицы Восточной империи.

После захвата Сицилии буйные сыны далекой Скандинавии стали настоящим бичом для средиземноморских поселений греческого царства. Постоянные набеги, войны, походы изматывали силы государства, которое должно было все действия совершать с оглядкой на свои восточные границы. Имя Боэмунда, как и имя его отца Робера, было хорошо известно горожанам «величайшего города вселенной». Потому приход армии воинственных лангобардов ожидали с ужасом и... с известной толикой интереса, как возможность увидеть живых и диких хищников!

Сами норманны поводов для обид басилевсу не давали, хотя последний и приказал беспокоить их охранение своим турецким наемникам. Сделано это было с единственной целью: задержать подход самого опасного из всех христианских военачальников.

Алексей опасался сына завоевателя Сицилии.

К своим сорока годам Боэмунд был известен как один из самых умных и образованных полководцев Европы, к тому же желающий мечом добыть себе владения получше, чем маленький Тарент. Обычно все упиралось в недостаток средств

и малую армию, которой обладал норманн. Теперь же за ним шли почти семь тысяч кавалерии и около двадцати тысяч пехоты. При том что он отказался брать с собой крестьян и чернь, в поход шли закаленные воины, краса и слава Сицилийского королевства.

Все понимали, почему Боэмунд так спешит к столице, почему запрещает своим воинам заходить даже в те города, которые безбоязненно открывают перед ним двери. Тридцать тысяч норманнов и сто тысяч германцев способны если не взять штурмом Константинополь, то обложить его такой данью, что надобность в походе для большинства участников отпадет. По крайней мере, по финансовым причинам. Басилевс рассматривал такую версию как основную, когда требовал, чтобы его всадники задержали норманнов на узких перевалах Балкан.

И Алексей успел. Он обошел подгонявшего своих воинов Боэмунда буквально на один шаг. Немцев переправили через пролив всего за два дня до прихода сицилийцев!

Во время похода, несмотря на строжайший порядок, поддерживаемый в норманнской армии, произошла стычка у Вардарского прохода, когда наемные турецкие лучники, следившие за продвижением армии, внезапно напали на арьергард сицилийцев. Только храбрость Танкреда, который в сопровождении двух тысяч солдат бросился в реку и переплыл на другой берег, позволила сдержать натиск неприятеля.

Боэмунд, по-прежнему демонстративно придерживаясь

миролюбивой тактики, отпустил пленников, захваченных его племянником, понимая, что возобновление военных действий разрушит его планы, и удвоил бдительность. Чтобы избежать любой неожиданности, норманнские военачальники приказали тщательно разведывать пути продвижения армии. Эта мера серьезно замедлила поход, чего, собственно, и добивался базилевс.

Норманны провели двухдневные переговоры с представителями Византии, в ходе которых правитель Тарента и его племянник были счастливы заключить договор о проходе их армии через византийские земли. Они разрешили представителю императора постоянно находиться в войсках. И чтобы убедить базилевса в собственной преданности, сицилиец лично с малым отрядом выехал к столице, оставив войска на марше.

Принц прискакал только на день позже отхода последнего судна с германскими паломниками, переправляемыми через пролив...

Норманн умел держать удары. Даже если он и планировал провести атаку на самый богатый город мира, то теперь эти планы следовало пересмотреть.

– Его светлость принц Тарентский! – Титул был не был самым помпезным, но имел определенный вес среди собравшихся чиновников двора.

Высокородные патриции и потомственные всадники, архонты, проэдры и даже пансевасты²² хмурились, кто-то поджимал губы, кто-то недовольно поглядывал, но заинтригованы были все: не часто удастся увидеть врагов Империи вживую. Тем более таких врагов. Многие из тех, кто сейчас столпился в зале императорского дворца в Буколеоне²³, еще помнили оскал воинов неистового сицилийца под стенами Дирахия и Лариссы.

Толпа присутствующих гудела и колыхалась, а причина собрания все не спешила на люди.

Сидящий на высоком троне Алексей недовольно оглянулся. Увязавшаяся за ним дочка, малолетняя Анна, худая, костлявая девчушка тринадцати лет, недовольно ерзала на своем кресле, вытягивая шею. Он еле заметно улыбнулся уголками рта. Ох уж это детское любопытство!

Толстый протовестарий²⁴, стоящий у входа, жестами по-

²² Архонт, проэдр, пансеваст – титулы в Византии.

²³ Буколеон – константинопольский кремль.

²⁴ Протовестарий – при византийском дворе сановник, заведующий царским гардеробом. Впоследствии этот титул стал одним из самых влиятельных. Суще-

казал: идет, мол, идет. Створки парадных дверей залы распахнулись, и глазам собравшихся предстал запыленный, но не потерявший сил гигант-сицилиец. Боэмунд, отмахавший верхом за последние сутки двухдневную норму, выглядел куда свежее, чем можно было ожидать. Его походка была уверенной, спина прямой, а взгляд грозным. Вельможи, стоящие в первых рядах, начали опасливо пятиться к стенкам, когда норманн в сопровождении десятка рыцарей двинулся к помосту, на котором стоял трон императора Восточной империи.

Комнин затылком почувствовал, как за его спиной напряглись верные варанги. Еще шаг, еще... стоящий справа охранник уже начал поднимать секиру, когда норманны остановились.

Боэмунд на мгновение застыл, демонстративно не обращая внимания на окружающих его видных горожан и сановников, затем широко улыбнулся и склонил голову:

– Рад приветствовать тебя, кесарь! Раньше я был твоим врагом и противником, теперь же я пришел к тебе как друг твоей царственности. – Говорил он чисто, практически не коверкая слова греческого языка.

Басилевс склонил голову в ответ:

– И тебе привет, славный полководец. – Он дал варвару оценить красоту убранства главного зала дворца, после чего приступил к самой важной теме встречи: – Удачно ли про-

шло твое путешествие?

Принц Тарента был лаконичен:

– Да.

Алексей подождал, не будет ли продолжения, но, убедившись, что норманн собирается молчать, встал и подал руку:

– Видеть такого прославленного в битвах военачальника в стенах Константинополя – великая честь для нас! Особенно рады мы, что все помыслы таких великих воинов, которые идут к нам на зов помощи с именем Господа на устах, заключены в служении делу Церкви и только ей...

Он оценивающе посмотрел на лицо сицилийца, но своей невозмутимостью тот напоминал статую, а окружавшие его телохранители больше походили на столбы.

Алексей снова подождал, и снова ответа не было. В глубине души он чертыхнулся, но на лице это никак не отразилось. Что ж, придется растолковывать тупому варвару, чего от него жаждет Империя...

...Переговоры затянулись. Басилевс склонял сицилийца к клятве, аналогичной той, которую дал Готфрид, но невозмутимый сын завоевателя Италии только односложно отвечал, что устал с дороги, такие вещи сразу не решаются, ему надо подумать. Боэмунд не отказывался, только тянул время. Кроме немцев к Константинополю спешили французы и провансальцы. Если откажется Раймунд Тулузский, то уж с Робертами Боэмунд всегда договорится. Норманн норманна поймет!

Это предполагал и базилевс. Старый интриган, он видел также, что в нынешней ситуации одними словами сложившуюся проблему не решить. Перед ним стоял не религиозный фанатик, для которого поход – дело христианской доблести. Для второго сына не самого могущественного короля Европы это прежде всего была возможность решить свои личные проблемы. Те самые проблемы, которые уже легли незаживающими рубцами на тела средиземноморских провинций Империи. Что же, Комнин бы не стал императором, если бы не умел предусматривать таких поворотов.

С военачальником лангобардской армии кесарь прощался как с лучшим другом: лично спустился, обнял, пожелал хорошо отдохнуть.

Когда Боэмунда и державшихся рядом со своим господином рыцарей вели по переходам дворца, на глаза принцу попалась незакрытая дверь в боковую комнату. Это было уже необычно – все двери на всем пути следования всегда были наглухо заперты. Кроме того, в этом самом месте ведущий их сановник двора придержал свой скорый шаг, как бы раздумывая, каким путем вести дорогих гостей дальше. Сицилиец, ожидающий от своих врагов подвоха за каждым углом, настороженно заглянул в открытый проем и... замер, пораженный. Вся немалая территория помещения была заставлена сундуками с золотом и драгоценной посудой, груды ярких камней тут и там перемежались расшнурованными мешками с золотыми монетами, отрезы дорогих тканей бы-

ли небрежно навалены друг на друга, так что доставали до потолка.

Как зачарованный остановился государь маленького княжества при виде такого богатства.

— Кому же... столько добра?! — смог он выдать в конце концов. — Если бы у меня было... столько богатств, я бы... я бы... давно...

Сановник поклонился и улыбаясь прошептал стоявшему столбом сицилийцу:

— Все это станет вашим, стоит вам только согласиться на просьбу басилевса, мой принц...

У Боэмунда пересохло во рту. Здесь лежало больше, чем когда-либо было в его казне, больше, чем он мог планировать получить от всего похода, намного больше, чем стоил весь его Тарент. Принц кивнул головой. Он понял.

...На следующий день сицилийцы явились на переговоры, чуть только рассвело. И уже к полудню все необходимые клятвы были озвучены, все бумаги подписаны: все бывшие территории Византии, захваченные у нее мусульманами, после освобождения от неверных должны были вернуться в лоно Восточной империи. Принц пробовал выторговать себе титул доместика Востока, то есть главнокомандующего всеми войсками в Азии, но Комнину удалось открутиться от необходимости давать ответ на эту просьбу. Только пустые улыбки, заверения в дружбе и неподкрепленные обещания.

Басилевс улыбался, когда груженные подводы сицилийско-

го посольства покидали пределы дворца, этому же чуть сбоку улыбался сам Боэмунд. Все были счастливы...

Глава 3

Константинополь

1

11 апреля 1097 года. Константинополь

Пока басилевс и принц маленького княжества обменивались любезностями друг с другом, прикидывая между улыбками, насколько стоит доверять принимаемым из рук соседа кубкам с вином, жизнь в городе, стоящем на границе Азии и Европы, забурилась с прежней силой. Осмелевшие купцы, убедившись, что толпы лангобардов не несут угрозы, снова открыли лавки, замелькали повозки окрестных крестьян, везущих на рынки ненасытной столицы результаты своих нелегких трудов, из бухты Золотой Рог потянулись в пролив рыбацьи лодки.

«Полочане», прибывшие в Константинополь морем, так и не увидели сицилийских норманнов, о которых так много говорили жители города. Когда Костя услышал, что крестоносцев со дня на день переправят через пролив, он предложил сходить посмотреть на викингов, но Улугбек Карлович сумел убедить товарищей отдать предпочтение красотам

древней столицы.

Стража противилась проходу прибывших паломников в город, и за дело взялся поднаторевший в последнее время в переговорах с мытарями Малышев. Он довольно быстро уверил местных вегилов²⁵ в том, что их интерес сугубо купеческий. После того как небольшая сумма в серебряных монетках перекочевала в кошель хранителей покоя столицы, русичей пропустили.

Оставив воинов из своего отряда на небольшом постоялом дворе, четверка русичей пошла в поход по Константинополю. Ориентируясь на городские стены, тянущиеся вдоль залива, они двинулись в сторону основного скопления исторических и прочих достопримечательностей.

Чем ближе подходили путешественники к Буколеону, тем чаще встречались им лавки менял, в которых на всеобщее обозрение были выставлены ящики с монетами разных стран, купеческие лабазы, полные экзотических ярких тканей и диковинных предметов. «Полочане» почти не задерживались у этого великолепия, русичей манили золоченые купола храма Святой Софии.

Сомохов, бывавший в Стамбуле, уверенно утащил товарищей прочь от наружных стен, показывая то Тетрапилон, то площадь Константина, то гигантскую чашу ипподрома, где толкались сотни оборванцев и нищих, храм Святой Эуфемии, знаменитые бани, здание сената и, наконец, золоченую

---

²⁵ Вегилы – аналог полиции в Византии.

крышу багряного дворца самого правителя Империи. Широкие улицы были необыкновенно чистыми, дома утопали в зелени и цветах. Весь вид великого города, жители которого были одеты в чистые хитоны и тоги, являлся ярким противопоставлением грязным столицам Европы.

Конечно, побывать везде было невозможно – только в одном Буколеоне размещались сотня дворцов и более тридцати часовен. Но пройти мимо Святой часовни «туристы» не могли. Улугбек Карлович настаивал, что наряду с храмом Святой Софии это одна из главных достопримечательностей города.

Действительно, потраченного времени было не жаль. Со стен смотрели на вошедших бесчисленные реликвии в дарохранительницах, святые для каждого христианина, будь он католик или православный: куски Животворящего Креста, гвозди, из тех, которыми был прибит на Голгофе Христос, святой венец, которым Он был увенчан, плащаница, святой хитон и прочая, прочая. Ручки дверей часовни были отлиты из чистого серебра, пол покрыт необычайным белым мрамором, таким гладким и блестящим, что он казался хрустальным, а колонны искусно отделаны плитами из яшмы. Все это сверкало, повергало в трепет даже пришельцев из далекого будущего, заставляло их по-новому вслушиваться в церковные песнопения.

Но все предыдущие впечатления померкли, когда русичи посетили центральный собор православного мира, храм Свя-

той Софии. Если в Святой часовне повергала в трепет драгоценная обстановка и мощи святых, то здесь на молящегося обрушивалось величие церкви. Высоченные купола храма как будто подпирали небеса. Попадв внутрь, человек ощущал себя мурашкой пред ликом Создателя, пылью, малой точкой в бесконечности... Храм оглушал, внушал трепет и преклонение.

Когда «полочане» сумели подойти поближе к читающему проповедь священнику, Малышев тихонько присвистнул. Толстенная верхняя доска алтаря, длина которой составляла метра четыре, была сделана из золота. В него были вкраплены драгоценные камни размерами с перепелиное яйцо. Даже Костя признал, что в двадцатом веке такого уже не увидишь – перестали правители тратить годовые бюджеты государств на шедевры зодчества.

Удивлял рыцарь, который, казалось, не обращал на окружающее никакого внимания. Всю дорогу, выслушивая речи археолога, взрывающегося фонтанами красноречия при виде каждого архитектурного памятника или очередной бронзовой статуи неизвестного им императора, казак сдержанно кивал и больше присматривался к окружающей обстановке, фиксируя все увиденное. Особенно его внимание занимал невзрачный мужичонка, тащившийся за гостями города от самого порта. Подъесаулу он сильно не нравился.

По пути от ворот дворца басилевса, куда русичей, естественно, не пустили, они еще раз заглянули на ипподром. Вдоль длинного здания, вытянутого с востока на запад, без дела слонялись десятки представителей местного отребья, которых явно тяготило присутствие здесь стражей правопорядка, пусть и весьма немногочисленных.

Улугбек Карлович сказал друзьям, что в нишах, опоясывающих здание ипподрома, находится собрание скульптур античного периода, раритетное даже для этого времени и уничтоженное в следующих веках. Пройти мимо такого он не мог. Малышев, уставший от дороги и обилия новых впечатлений, предлагал вернуться в гостиницу, но неожиданно встретил сопротивление со стороны Пригодько, попавшего под обаяние рассказов археолога и желавшего продолжить экскурсию. Казак при голосовании воздержался, и русичи снова повернули к месту, где население Империи привыкло расставаться со своими сбережениями во имя азарта.

Сомохов был прав и на этот раз. Как заправский экскурсовод он уверенно вывел их к тому месту, которое местные называли знакомым для русичей словом *spina*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.